

Искорка

По всей стране
гремит с утра —
Звенит звонок
весёлый:
— Пришла пора!
Вставай! Пора!
Ура!

Скорее в школу!
Звенит над
Ладогой,
в Крыму,
В Москве,
в горах Алтая!..

Ему приятно
самому
Звенеть,
не умолкая.
Звонок три
месяца подряд
Молчал и дни,
и ночи.

И вновь
созвать,
собрать ребят
Он очень рад!
Он очень рад!
Ну очень-очень
-очень!!!

газета
«Искерка»
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

СЕНТЯБРЬ

● 1969

год издания XIII

Л. ПОДВОЙСКИЙ

Страничка далёкого

ЛЕТО двадцать восьмого года выдалось дождливое. Погожие дни наступили, когда пионеры уже уехали в город и на месте лагеря осталась только группа активистов — «ликвидком».

— Даёшь поход вниз по Москве-реке до самого центра столицы! — предложил председатель совета Андрюша Енютин, большой поклонник военной закалки.

Мы шли Подмосковьем три дня почти без отдыха. Чуть задержались на полуострове, в излучине реки, где расположился дачный посёлок Хорошевский серебряный бор.

Не знаю, кому принадлежали здесь дачи до революции. В двадцатые годы хозяином их был Моссовет. В нескольких дачах жили старые большевики. В одном из домиков жила и наша семья. Как же тут не задержаться, не навестить маму, папу?..

В огороде мы накопили картошки и пошли к реке разводить костёр.

— А не пригласить ли сюда старых большевиков? — подумал вслух наш редактор Гога Стуруа.

— Ой, мальчики, мы же чумазные, как трубочисты, — испугалась Вера Енютина. — И думать не смейте посторонних звать. Да ещё таких важных!

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
1

Но старые большевики сами заглянули к нам «на огонёк». Сначала подошёл бородатый и чёрный, как цыган, в накинута на плечи кожаной тужурке Артемий Багратович Халатов — председатель Госиздата. За ним — «самый строгий коммунист», — огромный и усатый Емельян Михайлович Ярославский, член Президиума ЦКК. Дальше следовал мой отец в военной форме почётного кремлёвского курсанта. У сосны встал, скрестив руки на груди, седой как лунь Пётр Гермогенович Смидович.

— Ребята, не дрейфьте, это всё наши соседи, — на ухо «по цепочке» передал я друзьям.

— Соседи — во! — чуть не свистнул от восторга Гога Стурра. — Сейчас они такое про каторгу и ссылку, революцию и войну расскажут — мурашки по коже побегут!

Но вопреки ожиданиям чернобородый Халатов вдруг громко и весело, как мальчишка, расхохотался.

— Ты что, Артемий? — спросил его Смидович.

— Вспомнил, как маленький медвежонок большого товарища Ярославского обидел.

Все взрослые засмеялись, Емельян Михайлович сначала притворно нахмурился, а потом снял очки и тоже расхохотался.

Я-то эту историю знал, а другие ребята не знали. Пришлось Халатову рассказывать.

Прошлым летом моему отцу с Кавказа привезли в подарок малыша медвежонка. Дети — а нас в семье вместе с приёмными было семеро — страшно избаловали зверя. «У семи нянек дитя без глаза», — ворчали наши соседи Смидович и Ярославский.

Оба они были любители-садоводы. Всё свободное время возились с растениями. На клумбах около дач у них цвели нарциссы, тюльпаны, георгины, гладиолусы... Ну, а Мишка не признавал чужих заборов. Однажды утром он забрался на дачу к Ярославским. Емельян Михайлович ещё лежал в постели, читал газету. Его жена Клавдия Ивановна Кирсанова возилась у плиты с завтраком. Капризный, словно единственный ребёнок в семье, Мишка хотел играть. Вот и принялся лизать ноги хозяйке. А язык у медвежонка жёсткий, как наждачная бумага.

— Отстань, противный, щекотно! — закричала Клавдия Ивановна и замахнулась на медвежонка кухонным полотенцем. Тот заворчал, обиженно повернулся, прошёл на задних лапах через спальню и прыгнул в окно.

— Стой! Что ты делаешь, такой-сякой, немазанный?! — подскочил Емельян Михайлович и, схватив трость, как был в трусах, бросился за нарушителем порядка в сад. Под окном спальни росли самые любимые его цветы.

— Вы представляете, — говорил Халатов, — как посмеялся бы над нашим дорогим товарищем Ярославским Владимир Ильич!

— Да, Владимир Ильич удивительно смеялся, — поддержал Пётр Гермогенович Смидович. — Помните, как однажды наркомфин Сокольников и товарищ Кржижановский крепко заспорили? Распетушились! Кричат! Ворвались к Ильичу в кабинет и давай в два голоса каждый своё доказывать. Владимир Ильич сначала старался разобрать, что они такое говорят, потом махнул рукой, сел в кресло у стола и сказал: «Они думают, что я что-нибудь могу понять!» — и... расхохотался. Он смеялся до слёз. И спорщикам ничего не оставалось, как тоже присоединиться к нему. Пыл от смеха у них пропал, и представьте, они спокойно разобрались в деле.

Взрослые, казалось, забыли о нашем присутствии и начали вспоминать, каким жизнерадостным и общительным с друзьями был «гроза буржуев всех стран» Владимир Ильич Ленин.

— Начиная с третьего апреля семнадцатого года, — говорил мой отец, — мне с Владимиром Ильичём приходилось встречаться по несколько раз в день. И вот у меня сложилось такое впечатление: не видел я никогда человека, который столько бы улыбался, смеялся.

Старые большевики заговорили о том, что художники и скульпторы неправильно изображают Ленина. У них он обычно серьёзный. А Ленин бывал разным: суровым и добрым, весёлым и задумчивым, пламенным и спокойным, таким, каким того требовало дело рабочего класса.

— Владимир Ильич, — сказал, обернувшись к нам, отец, — всегда выполнял правило: быть и действовать не там, где хочется, а там, где надо, не с теми, с кем хочется, а с теми, с кем надо!

— И каждый, кто шёл к Ильичу, возвращался от него окрылённым, уверенным в своих силах! — закончил беседу Пётр Гермогенович и неожиданно тонким голосом запел:

*«Взвейтесь кострами,
Синие ночи,
Мы пионеры, дети рабочих».*

Мы дружно подхватили.

В НАШИ ДНИ

На телевизорных синих экранах
Вижу, как будто сквозь сумерки
мглистые.

В космосе, как в глубине океана,
Плавают люди аквалангистами.

В космос выходят они из кабины,
Словно из дома на улицу тихую,
А нескончаемые глубины
Манят, как в бездну какую-то дикую.

Помню: от первых автомобилей
В страхе шарахались в стороны лошади
И допризывники проходили
С палками вместо винтовок по площади.

Помню: на льду самолёт из столицы,
Звон колокольный, утро морозное.
На самолёт, как на чудо, дивиться
Ехали в город крестьяне на
розвальнях.

Помню: гигантским, могучим казался
Аэроплан, малосильный и маленький.
Тенью штыка его крыльев казался
Красноармеец в тулупе и валенках.

Кажется мне, что было всё это
В веке ином, а не в городе северном,
В детстве... А нынче уходят ракеты
К звёздам сквозь тучи холодные,
серые.

Рис. Ю. Лебедева

В. ФЕТИСОВ

Вечер

Солнце на землю скатилось,
полежало на боку,
и, наверное, разбилось —
зорька вытекла в реку.

А уже с другого края,
где не виден свет зари,
ночь выходит,
зажигая
в небе звёзды-фонари.

ИЩИ СЕБЯ, ГРОМОВ

2

Весь мой класс сидел в троллейбусе и классный руководитель Евгения Максимовна — тоже, ребята шумели, а Кудя — Кудинов сидел рядом со мной и молчал, и это меня особенно пугало: вдруг он сейчас выкинет какой-нибудь номер, а Евгения Максимовна подумает на меня. Мы ехали на «день здоровья».

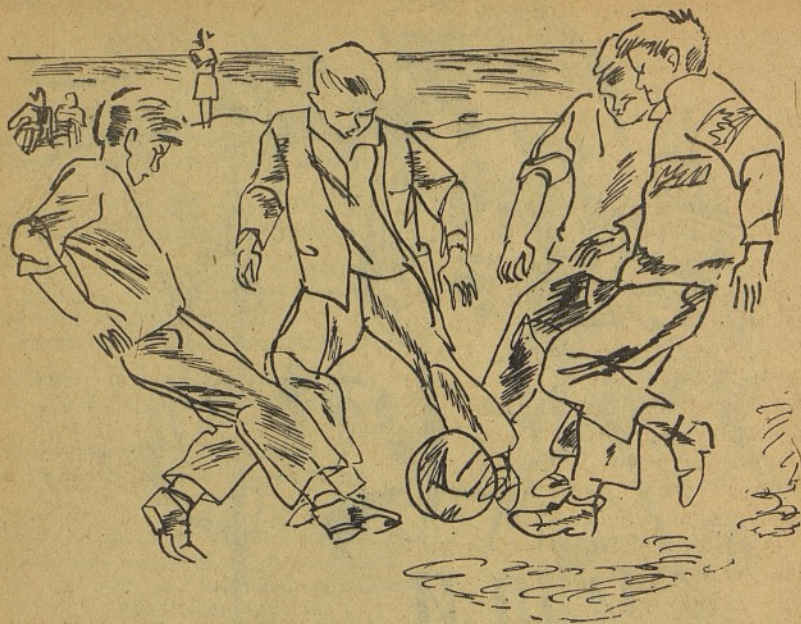
Продолжение. Начало в «Искорке» № 8 за 1969 г.

Я был не в своей тарелке. Ну, не так, как каждый день, а совсем по-другому, потому что утром вот что произошло.

Евгения Максимовна вошла в класс и сказала, что сегодня у нас действительно «день здоровья», но что каждый класс проведёт его на свой лад, поэтому давайте выберем, что будем делать именно мы.

Все стали ужасно орать, каждый лез со своим предложением, кто кричал про стадион, кто — про Неву, кто —

про кино, и все друг на друга цыкали, потому что каждому нравилось его предложение, а другие — не нравились, и тогда — не знаю, что на меня нашло! — я вдруг встал и громко сказал:

— Поехали на залив!

Все замолчали. Наверное, от удивления. Не ожидали от меня ничего подобного.

Евгения Максимовна сказала:

— Как на залив? Это куда?

— На Финский залив. Ну, на море, что ли.

— А там что? Что там привлекательного?

Я стоял, сбитый с толку.

— Не знаю, — сказал я. — Там вода, песок. Вообще — море. Солнце.

Все вдруг закричали, что хотят на залив, на залив — и никуда больше. Евгения Максимовна согласилась.

Рыбкина не сидела, а стояла ко мне спиной в самом начале троллейбуса, у кабины водителя, и ни разу не обернулась. Я не понимал, за что она на меня злится, а я на неё уже и не злился — не виновата же она, в конце концов, что все и так знают о том, что я боднул директора школы в живот.

— Ну, показывай, Громов, куда теперь идти, — сказала Евгения Максимовна, когда все вышли. — Не бегать! Не кричать! Не убегать! — повторяла она остальным.

Я пошёл впереди, и вдруг, когда я обернулся, понял, что

я не просто иду со всеми вместе, а иду впереди всех, один, а остальные — сзади, на некотором расстоянии от меня. Я сам по себе, а они сами по себе.

Вот, выходит, в чём дело. Мне и раньше это казалось, а сейчас я всё понял. Получалось не то, чего я боялся, когда пришёл в эту школу, а совсем другое. Я боялся, что ко мне будут приставать, кто — по-плохому, кто — по-хорошему, вообще приставать, как пристаёт к новеньким, а оказалось, что ко мне никто не пристаёт, просто не замечают, будто и нет меня.

— Не убегать! Не убегать! Не убегать! — кричала Евгения Максимовна. А мне сказала: — А ты чего не бежишь со всеми?

Я посмотрел на неё и увидел, что она улыбается. Я тоже улыбнулся. Лет ей было, наверно, как маме, но она была, нет, не то чтобы симпатичнее, совсем нет, ну... просто у неё — я заметил сейчас — почему-то всё время менялись глаза: то серые, то голубые, то зелёные, то вдруг чёрные. Непонятно даже как-то.

— Ты не любишь бегать? — спросила она.

— Отчего же, — сказал я. — Люблю. Просто сейчас не охота.

— Они сейчас будут бросаться песком, — вдруг почти крикнула она и быстро пошла ко всем.

Я обернулся и увидел, что сзади ковыляет Кудя.

— Вчера ногу подвернул на кружке современных танцев.

Вчера был кружок современных танцев. Кстати, — сказал он, — ты не нравишься Боме.

— Бома — это кто? — спросил я. Я знал, что в нашем классе Бома есть, но не знал, кто именно Бома.

— Ты что, обалдел? — сказал Кудя. — Бома — это вон тот, здоровый, сидит на песке с мячом.

Того, здорового, я, конечно, видел в классе, и что кого-то зовут Бома — я тоже слышал, но пока не знал, что это одно и то же. Я знал пока — кто Кудя и кто Рыбкина.

— А почему — Бома? — спросил я. — Почему такое прозвище?

— Боб Макаров, — сказал Кудя. — Бо-Ма. Понятно?

Я кивнул. Почему я не нравлюсь Боме, я не успел спросить — мы уже подошли к остальным и сели на песок.

После все долго орали и спорили: что будем делать? Ничего толкового не придумали и решили: раз так, то в футбол.

Дурацкая была игра — мне её и вспоминать-то не хочется. Помню только, что девчонки сидели цепочкой, как птицы на проводах, а мы носились по песку, падали, толкались и забивали друг другу голы. Но главное-то было не в этом. Где бы я ни оказывался, туда сразу же лез Бома и незаметно для других очень ловко то наступал мне на ногу, то бил меня локтем в живот, то коленом... Он больно меня бил, но я терпел. А что мне было делать? Жаловаться? Драться? Вдруг Бома сделал незаметную подножку, и я полетел лицом вниз, а он так хитро подставил колено, что я сходу ударился об него лбом. Глаза мои чуть на песок не выскочили, честно, мне тогда так показалось. Бома тут же забил красивый гол, и девчонки, которые болели не за нас, прямо визжали от восторга. Никто и не видел, что он сбил меня нарочно. Ничего не говоря и не оборачиваясь, я встал и пошёл по песку вдоль воды, подальше от всех. Сначала было тихо, потом кто-то крикнул:

— Громов? Ты куда?

Кудя закричал:

— Что это с ним?

— Громов! Громов!

Они ничего не понимали, а мне и не хотелось объяснять.

Я шёл вдоль воды, и песок скрипел у меня под ногами, так что в ушах трещало. Я шёл долго. Потом сел возле самой воды и стал глядеть на воду.

Просто на воду. Я увидел неожиданно маленькую рыбку в воде. Она ничего не делала, просто валяла дурака, резвилась. Я хотел дать ей хлеба, но в кармане крошек не оказалось, и я кинул ей стиральную резинку, но она её даже и нюхать не стала, уплыла.

Я поглядел назад, туда, откуда я пришёл: никто уже не играл в футбол, все сидели на песке. Смотрели они в мою сторону, или нет — я не мог разглядеть, все отсюда были такие маленькие. В общем, Бома меня толкал не так уж сильно, да я и не боялся его, — я не поэтому ушёл. Просто, мне всё это было неприятно, вот что. Неприятно, понимаете? Противно.

Неужели они смотрят в мою сторону? Очень возможно, что и так. Вид у меня, чёрт возьми, наверное, грустный и одинокий. И до того мне противно от этого стало, когда я так подумал, что я сразу же вскочил и пошёл — через пляж, мимо деревьев, через какой-то пустырь, через садик и подворотню в незнакомый переулок. Он был узенький и кривой, по нему я вышел на такой же, похожий, но чуть пошире. «Баня», — прочёл я, потом дальше — «Флюорографический пункт», потом — «Почта». Я зашёл на почту, купил у седой тётеньки в окошечке лотерейный билет и конверт, быстро написал письмо, кинул его в ящик, билет аккуратно сложил и спрятал в куртку, в карман, и после снова вышел на улицу.

— Громов! — крикнули сзади.

Обернулся.

Евгения Максимовна бежала ко мне.

Она никак не могла отдышаться. У неё были совсем чёрные глаза.

— Зачем ты ушёл? — спросила она.

Я молчал.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, — сказал я.

— Пошли, — сказала она и взяла меня за руку, как малыша. — Зачем ты меня подводишь? Мне пришлось бежать за тобой и бросить класс.

— Зачем за мной бежать? — сказал я. — Да и с классом ничего не случится.

— Неизвестно, — сказала она. — Может, они там уже все купаются.

— Вряд ли, — сказал я. — Холодно.

— Ты не знаешь детей, — сказала она. — Вот в прошлом году на «дне здоровья» в лесу знаешь что было? Цыплаков потерялся, и мы его дотемна не могли найти. Я отправила класс в город с вожатой, а сама пошла дальше искать. И нашла. Он на дереве висел, на огромной сосне. Зацепился брюками и висел и не мог отцепиться и молчал, когда мы его кричали. Ложный стыд, понимаешь? Я сама на сосну лезла его отцеплять. Еле отцепила.

Я стоял и глядел на неё. Она улыбалась, а глаза её — просто потрясающе! — из чёрных постепенно стали серыми, потом зелёными и, наконец, голубыми.

— Пошли быстренько, — сказала она. — Почти уверена, что они там купаются.

9

— Помнишь белую птичку? — спросил я у Зики утром. Мы как раз делали зарядку.

— Какую белую птичку?

— Которую девочка, с которой ты шла, фиг поймала. Бумажную...

— Это ты её пустил?

— Неважно. Ты тогда ещё с девчонкой шла, помнишь, конечно? Что это за девчонка?

— Одна прекрасная девочка, — сказала Зика, задрав нос. — Просто прекрасная. Ты её знаешь. Кстати, мама хотела с тобой поговорить.

— О чём ты хотела со мной поговорить? — спросил я у мамы. — Чего-нибудь важное?

— Очень, — сказала она. Она смотрела на меня и улыбалась, как солнышко. Это её улыбка. — Ты не забыл, дорогой, что на днях у тебя день рождения?

Я шёл в школу в довольно-таки убитом настроении. Сам собой, я помнил про свой день рождения, то забывал, то вспоминал, но в общем-то, конечно, помнил, и только теперь, только после разговора с мамой, я понял, что это за штучка — мой день рождения.

— Ты не против, дорогой, если будут гости? — спросила мама.

— Конечно, — сказал я. — Пусть.

— Будут Дымшицы, — сказала она, загибая палец.

— Это кто?
— Папин сослуживец с женой.

— Прекрасно.
— Потом Саша Вербицкий...

— Кто-кто? Я не знаю?
— Ка-ак? Это же твой приятель. Ну, этот, английский мальчик в белом свитере.

— Ах, да, — сказал я. — Ну, конечно. Просто прекрасно.

— Мне он очень понравился, — сказала мама. — Я видела его чудесную маму и передала ей наше приглашение. Будет ещё Зикина подруга, всего одна, больше, я думаю, нельзя, а то нужно приглашать весь класс. Ты ведь знаешь, какая она общительная. К тому же это ведь твой день рождения.

— Разумеется, — сказал я.

— И... — она взяла меня за подбородок, — твои друзья, конечно. Ведь так?

— Да-да, — быстро сказал я. — И мои друзья. Пока, я побежал.

— Беги-беги. Нельзя опаздывать.

Вот в чём была загвоздка! В друзьях. Ясно, что приглашать мне было абсолютно некого. Ну, некого и некого — не очень-то и надо, но как быть с мамой? — не хотелось её огорчать, честное слово. Ей, видно, здорово не по себе было, когда она думала, что мне не по себе, оттого что у меня нет друзей. И самое ужасное было, когда она норовила заглянуть мне в глаза. «Ладно, будут для неё мои друзья, будут», — думал я, когда шёл в школу, хотя вовсе не понимал,

что я при этом имею в виду. Только об этом я и думал, пока шёл в школу, и в школе тоже, и на всех уроках... На предпоследнем уроке (была история) меня вызвали. Они, видно, решили, что всё, хватит, баста. Я уже не новенький и вполне догнал класс. Стыдно, наверное, было слушать, что я там нёс про исторические события и даты, и здесь дело было не только в том, что меня вообще вызвали в первый раз и я здорово волновался, — я всё думал про этих друзей для моей мамы. Мне поставили тройку, но я как бы и не заметил этого, я всё думал, и, когда прозвенел звонок с урока, у меня появилось совершенно непонятное решение, то есть совершенно непонятное, я даже не могу толком объяснить, как оно могло появиться и почему казалось мне правильным. Я решил, что на переменке отыщу Бочкина, подойду к нему, извинюсь за то, что мой портфель упал ему на голову, и приглашу его к себе на день рождения. Довольно странно было ходить по нашему коридору и разыскивать Бочкина. Всё время попадались незнакомые лица, ведь обычно на каждой переменке я быстро пробегал наш коридор, спускался на два этажа ниже и бродил среди малышей, будто я дежурный, — малышей в лицо я знал куда лучше.

Вдруг я увидел Бочкина и пошёл к нему. Я ещё не знал, как начать.

— Бочкин, — сказал я, и он повернулся ко мне. Волосы у

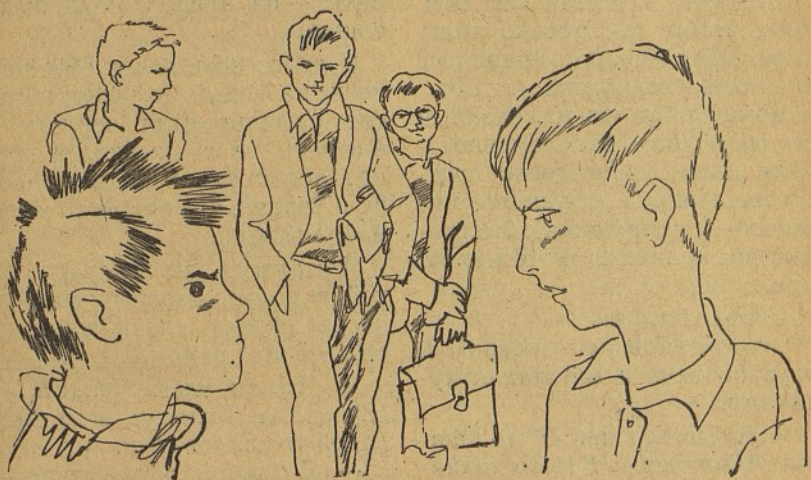

него на затылке были хохолок. Глаза его сначала раскрылись, потом прижмурились, а губы сжались.

— Я ударил тебя портфелем. Помнишь? — сказал я. — Вернее, он сам упал. Но не в этом дело. Дело в другом. Я...

— Чего тебе надо? — сказал он. — Я сам всё помню. Ещё

сказал: «Да-да, стыкнёмся, обязательно!», он бы мне сказал: «И стыкнёмся!», а я бы ему сказал: «Только стычка» — и он бы мне сказал: «Само собой!» — вот тогда бы, может, ничего и не было, может, было бы, а может, и нет. Но теперь — я знал точно — стычка будет.

бы я об этом забыл. Такое не забывают, запомни это.

— Дело совсем в другом, — сказал я.

— Да-да, запомни это, — сказал он.

— Я хотел извиниться... — начал я.

— Сегодня будем стыкаться, — сказал он.

— Стыкаться? — сказал я. — Я не хочу... Зачем?

— Мало ли что не хочешь!

— Я хотел извиниться! — сказал я.

— Мало ли что извиниться!

Я вдруг догадался, уж не знаю как, что если бы я ему

Я смотрел на хохолок Бокина на его голове и представил неожиданно, как его, Бокинская мама, плюёт на ладонку и приглаживает ему этот хохолок, — каждое утро, когда он бежит в школу. Я представил себе, как он крутит головой и злится, и я опять подумал, что драться с ним я не хочу.

Мы стояли друг против друга на школьном дворе и ещё не дрались. Рядом валялись наши портфели, а кругом стояли ребята, кое-кто из нашего

класса: Бома, Кудя и другие, но большинство — из класса Бочкина.

Все молчали.

Мы стояли и не дрались.

Какой-то мальчик засунул палец в нос. Трудно было смотреть на этого мальчика.

— Давно не видел такой страшной драки, — сказал громко Бома.

Никогда в жизни не слышал, чтобы так мерзко хихикали. Ему, видно, нравилось хихикать именно так.

Бома опять что-то сказал, я не разобрал — что именно, у меня даже скулы свело почему-то, и вдруг я увидел, что Бочкин размахивает быстро-быстро кулаками и бежит ко мне.

А я так и стоял.

Он остановился метрах в двух от меня и всё махал кулаками.

Я услышал, как Бома сказал: «Молодец!» Кто-то хихикнул, и тут же что-то острое ударило меня в глаз, и все закричали.

Я размахнулся и ударил.

Бочкин зашатался и сел на землю.

И я увидел кровь.

Я схватил свой портфель, побежал и тут же услышал, как все свистят сзади меня.

А я бежал.

Я не хотел, не хотел, не хотел драться — не мог. Не мог я бить человека. Мой портфель упал ему на голову. И он, этот Бочкин, завёлся. И я должен был его бить из-за того, что он завёлся. Не мог я его бить ни за что, особенно раз он тут же

упал. Как я мог бить человека, который тут же валится. От первого слабого удара. Они-то все думали, что я струсил. Ясно, так они и думали, раз свистели. Но мне было наплевать, что они там думают, главное, что я сам для себя знал, почему я не хотел драться.

Но всё равно — что говорить! — на душе у меня было тошно.

Я долго шёл, глядя себе под ноги, на серый асфальт, и после асфальт стал чернеть и блестеть, и я догадался, что начался дождь. Я поднял голову и увидел, что рядом со мной идёт Рыбкина.

Я старался не глядеть на неё и долго смотрел вправо, после скосил глаза влево — она всё шла рядом.

— Что ты идёшь рядом? — спросил я. Голос у меня был какой-то сипловатый.

— Я иду просто по улице, — сказала Рыбкина. — Это ты идёшь со мной рядом.

— Почему бы тебе не отстать? — сказал я.

— А почему бы тебе не отстать? — сказала она.

«Вдруг она права, — подумал я. — Вдруг это я стал нечаянно идти рядом с ней — я ведь выскочил на улицу сам не свой». Но я спросил:

— Зачем тебе в эту сторону?

— Я там живу, — сказала она.

Мы всё шли рядом.

Спина у неё была узенькая-узенькая и мокрые косички.

Я вдруг сказал:

— Приглашаю тебя на день рождения. У меня завтра день рождения. Приходи, гостьей будешь. Ясно?

Мы опять молчали.

— У тебя под глазом синяк, — сказала она.

— Заметно? — спросил я быстро.

— Нет, чуть-чуть.

— Так ты приходи, — сказал я и назвал адрес.

Потом она остановилась.

— Пока, — сказала она. — Мне здесь.

— Ты придёшь? — спросил я.

Она стала кусать свою мокрую косичку и смотреть наверх — довольно-таки дурацкое занятие, на мой взгляд.

— Приходи, — сказал я. — Подарков не надо. Да я и не люблю подарков.

Дальше я побежал, дождь был уже приличный. Так и хлестал наискосок.

— Дорогой, с тебя танец, — сказала мама, как только я вошёл. — Я так рада, не можешь себе представить. Сильный дождь, да?

— Да.

— Танцуй. Танцуй, дорогой!

— А что такое? Зачем танцевать?

— Вот! — И она показала мне письмо. — Я так рада, что твои друзья не забывают тебя и пишут, хотя ты уехал от них очень далеко. Я посмотрела обратный адрес.

Я сделал такие глаза, какие надо.

— Потрясающе! — сказал я. — Вот ведь!

— Просто прелестно, —

сказала мама. — Ну, беги, читай.

Я тихо вышел на лестницу, порвал письмо и выбросил его в мусоропровод (замечательная, между прочим, вещь). Незачем мне было читать это письмо. Я и так его знал. Себе я написал его сам, на почте, тогда, когда убежал с залива.

11

Первыми на день рождения пришли Дымшицы, вернее, не они, а она. Сам-то он, папин сослуживец, помчался куда-то на Невский доставать нечто потрясающее, что именно, она не хотела говорить — сюрприз. А она с ним не поехала, потому что ей, видите ли, холодно. Вообще-то она мне сразу понравилась, потому что была кругленькая, как шарик, и вместо одних букв говорила совсем другие. Мы как дурачки стали вчетвером помогать ей снимать пальто, и из-за этого снимали его целую вечность. Она сразу же полезла на кухню, посмотреть, как мы устроились на новом месте. На окне стояли разные бутылки, и она тут же закричала:

— Фампанское! Фампанское! Я его обаваю!

Мама побледнела и вылетела в прихожую, прихватив с собой и меня.

— Какой ужас! Боже! — зашептала она. — Быстренько беги в магазин. Там же в бутылке не шампанское. Там у меня подсолнечное масло. Просто ужас!

— Мне не дадут, — сказал я. — Детям вино не продают.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Откуда ты знаешь? — спросила она. — Ты что — пробовал купить?

— Смех, — сказал я. — Я читал в книжках.

— Беги, — сказала мама. — Я напишу продавцу записку.

— Мама, — сказал я. — Ты серьёзно? Мало ли кто написал записку. Может, это я сам написал.

— Да-да, верно, — сказала она. — Но ты всё равно беги — вдруг дадут.

Я, конечно, не побежал, а пошёл потихоньку — голова кружилась от этой суеты, — и не знаю почему, но «фампанское» мне продали. Я шёл обратно и думал, что в общем-то всё вроде бы в порядке: придёт Рыбкина, а маме я скажу, что должен был ещё один мальчик прийти, но чего-то его нет, может, заболел... С друзьями для мамы получалось как надо, будто бы они у меня уже есть, немного, но есть. «А вдруг не придёт Рыбкина? — думал я и тут же старался не думать об этом. — Как же она может не прийти, раз обещала?»

Дома я увидел потрясающего дядьку. Это был Дымшиц. Он был широкий, как кровать, толстый, пузатый, шумный и очень симпатичный. На нём была белоснежная рубашка и полосатый, чёрный с серым галстук, и он, этот Дымшиц, всё время хохотал и шутил.

— Я — Дымшиц! — крикнул он и хлопнул меня по плечу. — Поздравляю, шкет. Вот тебе подарок.

И он протянул мне невероятный какой-то перочинный нож, до того красивый, что я даже не дышал несколько секунд. И ещё он принёс феноменальный торт, за ним-то он и гонялся на Невский.

Стол уже был накрыт, но Зика, оказывается, ушла, и никто не садился. Хорошо бы, подумал я, вот так и отпраздновать впятером: Дымшицы, папа, мама и я. Ну и ещё Зика, конечно. Но её не было. Мама сказала, что она пошла за своей лучшей подружкой.

— А где же твои друзья? — спросила мама.

— Не знаю, — сказал я. — Должна прийти одна девочка и один мальчик. Не знаю, где они.

— Дымфиц, Дымфиц, — сказала его жена, ну, эта кругленькая. Она, я заметил, всё время звала его по фамилии. — Дымфиц, попроси, чтобы открывать фампанское дали тебе. Обаваю, когда громко хлопает пробка.

— Хорофо, Фура, — сказал Дымшиц.

— Конечно, пусть Сеня открывает, — сказал папа.

Я сказал маме, что выйду на улицу и посмотрю своих друзей — вдруг они не могут найти парадную, дом всё-таки огромный.

У нас очень большой двор, это даже не двор, а просто такое поле, а кругом огромные дома, и на этом поле площадка для детских игр, и деревья, и теннисный корт с высокими сетками, где мальчишки играют в футбол. Я вышел из парадной — и на нашем

огромном дворе никого не было. Было пусто. На удивление. И темно-то ещё не было, и дождик накрапывал еле-еле.

Я поглядел налево, направо — всё пусто, ни одного человека. Вдруг я услышал, как кто-то заиграл на флейте, тихо и очень грустно и совсем рядом. Главное, неясно было, где именно играют, хотя и рядом. Я стал крутить головой, слушая то одним ухом, то дру-

гим, откуда идут звуки, и никак не мог понять откуда. Я подумал: может быть, из окна? — и отошёл от парадной, стал смотреть на окна, но так ничего и не понял. И вдруг, — в этом я был абсолютно уверен, — я догадался, что звуки идут из кустов за теннисным кортом, — там, в кустах, был стол и скамейки, и там по вечерам старички играли в домино. Грустные звуки флейты

шли оттуда, точно. Я стал обходить корт, стараясь отгадать, что это за мелодия и где я её слышал, но она, кажется, была незнакомой. Во дворе по-прежнему было пусто, как-то сразу вдруг потемнело, и дождь зашумел по красному песку теннисного корта. Флейта звучала тихо-тихо, еле слышно, но теперь я был твёрдо и окончательно уверен, что звуки идут из кустов — они уже были совсем рядом. Они, эти кусты, были густые и наверху, над столом, соединились, так что получилась беседка. Я тихо подошёл к проходу в эту беседку и осторожно заглянул внутрь. Флейта звучала совсем рядом и до того грустно, что я перестал дышать, но играющего в темноте я не видел. Потом флейтист замолчал ненадолго и опять заиграл... Я изо всех сил всматривался в темноту, глаза стали привыкать к ней, я различил скамейку, вторую, стол, но никого не увидел, а флейта играла. Я быстро сделал несколько шагов к столу и остановился — флейта звучала совсем рядом, откуда-то со стола, я протянул руку и нащупал и тут же сразу рассмотрел патефон, обыкновенный патефон с торчащей вбок ручкой для завода. Пластинка крутилась, чуть-чуть шипела игла, и мелодия была очень грустной и совсем незнакомой. Я стоял и слушал, боясь пошевелиться. По листьям над моей головой стучал дождь. Вдруг рядом с флейтой звякнул какой-то колокольчик, ударил барабан, оба они сразу же замолчали,

снова осталась только флейта, я слушал, и вдруг почувствовал, что флейта стала играть медленней и каким-то не своим звуком, густым, что ли, всё медленней и гуще и вдруг пропала — пластинка остановилась, завод кончился. И сразу же я бросился бежать, всё вспомнив. Я бросился прямо домой, вверх, вверх по лестнице, дверь была не закрыта, я влетел в квартиру, в комнату.

За столом сидело много народу, и все сначала молчали, глядя на меня, а потом зашумели, а я стоял, и вода текла у меня по лицу и по шее, за шиворот, и я никак не мог прийти в себя. Всё смешалось у меня перед глазами, не помню, но кажется, справа сидела Рыбкина, очень красивая, потом английский мальчик, после мама, папа, Дымшиц, Фура, с самого края слева сидела Зика, а между Зикой и Фурой... а между Зикой и Фурой... Зикина подруга, да-да, та самая девочка, бабочка, из-за которой я врезался в директора, ясно, что это именно она шла тогда с Зикой, когда я пустил из окна бумажную птичку... Я всё стоял, вода текла мне за шиворот, и всё мелькало у меня перед глазами.

— Где же ты был, дорогой? — спросила мама. Она была красная и сияющая.

— Я искал... их, — сказал я, не глядя кивая на Рыбкину.

— А где же твой приятель? — спросила мама.

— Не знаю, — сказал я. — Нет его. Может, он заболел.

Или просто не сумел найти квартиру.

— Ужасно, — сказала мама. — Садись, садись, чего же ты стоишь? Мы все тебя ждём.

Я сел, стараясь ни на кого не глядеть и вытирая шею и голову носовым платком.

— Шурочка, — сказала мама. — Шура, попросите Сеню открыть шампанское.

— Дымфиц, — сказала Фура. — Все вдут фампанское. Слыфыф?

— Хорофо, Фура! — хохотнув, сказал Дымщиц, и тут же все крикнули — ах! — потому что пробка бабахнула, как из пушки.

— О! Обаваю! Обаваю! — закатывая глаза, сказала Фура.

Дымщиц налил шампанского папе, маме и Фуре и сказал:

— А теперь детям!

— Боже, — сказала мама, — ни в коем случае!

Дымщиц вытянул руки вперёд, ладошками к маме, говоря:

— Спокойно! Спокойно!

После он взял наши стаканчики для лимонада и из огромной бутылки очень ловко накапал в каждый стаканчик по десять капель шампанского и налил доверху лимонаду. Все ужасно хохотали.

— Давай, Сеня, — сказал папа. — Ты у нас специалист.

Дымщиц встал, огромный, как большая бочка, и сказал:

— Позвольте мне поднять тост за виновника сегодняшнего торжества, мальчика Митю, которого вы все видите и хо-

рошо знаете. Вот он сидит перед вами и смотрит в тарелку (у меня даже нос стал красный и горячий). Пусть он будет счастлив и в учёбе, и в труде, и в спорте. Пусть он станет в жизни тем, кем он хочет стать. Пусть он живёт в мире сам с собой. Пусть не будет у него душевного разлада.

— Дымфиц! — сказала Фура. — Ты уфасно мудриф.

— Неважно, — сказал Дымщиц. — Я ему желаю того же, чего и себе. Лично у меня душевный разлад.

— Ка-ак? — сказала Фура. — Дуфевный? Я не знала.

— Теперь знай! — сказал серьёзно и торжественно Дымщиц и сразу же захохотал, и все засмеялись и стали пить — кто шампанское, кто лимонад.

Я пил этот дурацкий лимонад медленно, глотками, закрыв глаза, будто он был какой-нибудь там из ряда вон выходящий, просто я хотел подольше побыть сам с собой и подумать — откуда здесь, как снег на голову, взялась эта девочка, эта Тома, бабочка?.. Хотя и так ясно было откуда, от верблюда. Зикина подруга — и всё тут. Зика с кем угодно подружится, если захочет, она такая общительная — вам не снилось.

— Смотрите, он закрыл глаза от наслаждения, — сказала Фура, и опять все засмеялись.

— Вкусно, дорогой? — спросила мама.

— Очень, — сказал я.

— А ты почему салат не ешь? Не нравится? — спросила мама у Рыбкиной.

— Очень нравится, — сказала Рыбкина. — Я уже наелась, — сказала она, улыбаясь маме, и, как только мама отвернулась, Рыбкина сразу же перестала улыбаться и уставилась на Тому. Тома смотрела на английского мальчика, мальчик — на Зику, а Зика — на меня.

Вдруг английский мальчик сказал:

— На днях Палицкий из нашего класса три часа просидел в холодильнике...

— Не мовет быть! — сказала Фура. — Какой у вас!

Мама почему-то сказала:

— Скоро и у нас будет холодильник.

— Это же страшное дело! — сказала Фура. — Почему так долго, три часа?

— Видите ли, — важно сказал этот английский Саша. — К Палицкому домой неожиданно пришла учительница, потому что у него двойки, и он спрятался в холодильнике.

— Бедняфка, — сказала Фура. — Три часа.

— Да. Он спрятался, а учительница всё рассказала его маме про двойки, они обе поехали и сели пить чай. Вот они пьют, а мама и говорит: «Не хотите ли сыру — рокфору, как раз он у меня есть в холодильнике?» А учительница говорит: «Да-да, с удовольствием! То есть нет, нет, что я говорю, — рокфор я не ем, я его боюсь, он странный». Так что, если бы она его не боялась, Палицкий бы влип. Потом они стали говорить про кофточки, про вязанные платья,

про высокие сапожки, в общем — про тряпки...

— Какая странная учительница, — сказал папа.

— Ах, — сказала мама. — Просто она человек, вот и всё. Обыкновенный, нормальный человек.

— А ваф Палицкий выв? — спросила Фура. — Он не умер?

— Ну, что вы! — Этот Саша стал хохотать, закатывая глаза. — Палицкий у нас морж.

— Морв? — сказала Фура. — Дымфыц, он футит, да?

— Нет, Фура, — сказал Дымщиц. — Моржи — это люди, которые купаются даже зимой.

— Именно, — сказал Саша. — Мы гордимся Палицким. Мы скоро сами все станем моржами. Мужчина должен быть моржом...

Противно было его слушать, не могу объяснить почему.

— Слыфыф, Дымфыц, — сказала Фура. — Мувчина должен быть морвом.

— А ещё кем должен быть мужчина? — спросил Дымщиц.

— Моржом — раз! — сказал Саша. — Два — играть в теннис. Знать несколько языков — это три. Уметь водить машину. Шикарно танцевать. И вообще — быть джентльменом.

— Ничего не умею, — сказал Дымщиц.

— Жаль, — сказал Саша. Вот тип, а?!

— О, забыл! Вот балда! Бокс! Ну, конечно! Ещё мужчина должен уметь боксиро-

вать, классно драться и вообще ничего не бояться.

Завёлся он от своего выступления — дальше некуда. Но я не смотрел на него. Когда он сказал про бокс и про «ничего не бояться», я тут же поглядел на Тому, она отвернулась, значит, сама глядела на меня, понятно... ну, конечно, что же тут думать, ясно что она знала про мою драку с Бочкиным и что я убежал — тоже знала и, само собой, была совершенно уверена, что я струсил. Она так думает. Пусть. Самое главное, что я-то знаю, что это не так.

Но всё равно с этого момента со мной что-то случилось. Мне и раньше было не по себе, а теперь совсем. Все опять стали пить, кто шампанское, кто лимонад, этот Вербицкий в белом свитере рассказывал что-то невероятно смешное, а Тома смеялась громче всех. «Красивая», — подумал я. И вдруг Рыбкина тихо сказала мне:

— Это ты её пригласил?

— Нет, — сказал я. — Не я. Кого, Тому? Нет, не я.

— Ведь ты про неё расспрашивал, когда мы дежурили в классе? Про неё?

— Да, — сказал я. Я вдруг обозлился. — Про, неё. Про неё! Ну и что? А пригласил её не я.

— Не верю, — сказала Рыбкина. — Не верю. Кто же тогда? Если не ты.

— Сестра, — сказал я. — Вот кто. Это её подруга.

— Не верю, — сказала она. — Не верю, чтобы Тома

дружила с девчонкой из младшего класса.

«Сейчас заплачет», — испуганно подумал я, глядя на Рыбкину.

— Ну и не верь, — сказал я. — Ты Зику не знаешь. Она, если захочет, кого угодно с собой подружит.

— Не верю, — сказала Рыбкина. — Я домой сейчас уйду.

А я молчал. Что-то со мной всё же случилось. Все кругом галдели, а я молчал, и так было долго, и Рыбкина сначала сидела тоже молча, а потом пошла домой, она сказала, что ей ещё уроки делать, и ушла, я ничего ей не говорил, пока она одевалась, и пока она быстро сбегала по лестнице вниз, я молчал, потом я крикнул: «Рыбкина!» Но мне никто не ответил...

12

Я неожиданно заболел, совершенно внезапно.

Как только прозвенел звонок с последнего урока и учитель арифметики вышел из класса, я быстро пошёл к двери, и Кудя закричал:

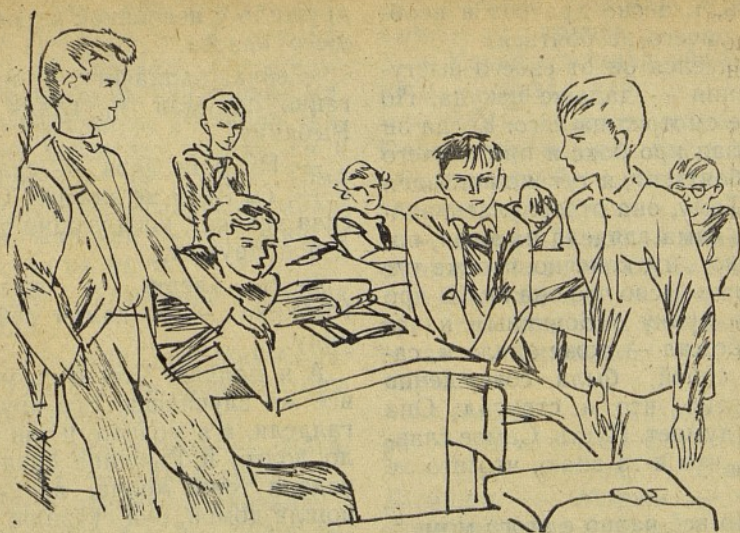
— Гром! Гром! Портфель забыл!

Я вернулся к своей парте, и тут вдруг Бома сказал басом на весь класс... Как раз тихо было почему-то.

— Во Гром бегают, даже портфель бросил. Ты чего, Гром? Тебя что — бьют, что ли?!

Вот — сразу же, в тот же момент подумал я, а кругом

было тихо, — вот, теперь ничего уже не поделаешь, хочешь не хочешь, а ничего поделать уже нельзя. Бочкин — это одно дело, а Боб Макаров — совершенно другое. Бочкин просто завёлся. А Бома — совсем другое дело. Бома я не нравился, неизвестно почему. Бома бил меня, когда мы играли в футбол на заливе, да, бил. Бома при всех сейчас намекнул, что я трус и убежал тогда, потому что испугался Бочкина. Бома — враг, и тут уж ничего не поделаешь. А самое главное — он здоровый, никого не боится и думает, что все боятся его и что я его боюсь, а поэтому можно меня оскорблять, да, оскорблять...

Всё это пронеслось у меня в голове за какую-то тысячную долю секунды, или миллионную, не знаю. В классе было тихо, все ещё сидели, потому что всё произошло очень быстро. Бома стоял у самой етён-

ки, в конце прохода, у своей парты... Такие подлецы, как он, всегда почему-то садятся на последнюю парту, я заметил.

Я медленно пошёл к нему в полной тишине, ещё не зная, что именно я скажу ему, но я уже шёл, потому что теперь, после того как он это сказал, ничего уже поделать было нельзя. Может быть, он изменился в лице? Или побледнел? Ведь он не ожидал ничего подобного. Хотя вряд ли. Скорее всего, он удивился. Но я не смотрел на него и ничего не видел, я шёл, опустив голову, и какие-то мелкие, колющие жучки, какие-то молекулки волнами пробегали у меня по спине и затылку.

Я остановился и тут же понял, что ничего не скажу ему, а просто... и вдруг неожиданно для себя сказал:

— Бедный Макаров. Ноль.

Кажется (я вспомнил это

потом), он хихикнул басом. Я попал ему кулаком в живот, точно в живот. Сзади него была стенка, лететь ему было некуда, или дело было в другом, не знаю, драться я не умею, но он сполз вниз по стенке прямо на пол. Все в классе (я вспомнил это уже после) ахнули и сразу же ещё раз, я думаю потому, что дверь в класс скрипнула, отворилась (это я расслышал), и вошла Евгения Максимовна. Бома как раз поднимался с пола.

Я повернулся (тогда-то я и увидел, что это вошла Евгения Максимовна) и, глядя на неё, прошёл к своей парте. Я видел, как её глаза стали темнеть, всё темнее и темнее и превратились в чёрные.

Она села, а я остался стоять, глядя в пол.

— Идите все домой, — сказала она. — До свиданья.

Я стоял и слушал, как все уходят из класса, — лёгкий топот ног и шёпот, после топот ног по коридору, всё тише и тише, а я всё стоял и глядел в пол.

Наконец топот смолк.

— Ты ударил Макарова? — спросила Евгения Максимовна.

— Да, — сказал я и посмотрел на неё. Глаза её так и были чёрными.

— Пошли, — сказала она.

Мы молча прошли по коридору, спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Понимаете, — сказал я вдруг. — Он меня оскорбил.

— Запомни, — сказала она, — что у человека есть глаза и слова, чтобы ответить

на оскорбление. И глаза тоже для того, чтобы ответить. Руки — последнее дело. Или — только в крайнем случае. Тебе понятно?

— Не совсем, — сказал я.

— Тогда просто постарайся запомнить то, что я сказала.

— Хорошо.

И вдруг какая-то сумасшедшая машина помчалась прямо на нас, когда мы переходили улицу. Я сильно, плечом, толкнул Евгению Максимовну, она куда-то отлетела, я успел прыгнуть в сторону, машина, страшно гудя, проскочила мимо, я обернулся и увидел, что Евгения Максимовна стоит совсем бледная и смеётся. А меня вдруг заколотило.

— Простите, — сказал я, — Евгения Максимовна!

— Ерунда, — сказала она. — Пошли.

Мы пошли дальше, неожиданно мимо нас проехал мотоллер «Тула» с кузовом. На кузове было написано «Мороженое», и я внезапно сорвался с места и помчался за ним, чтобы остановить его и купить стаканчик мороженого для Евгении Максимовны. Мне вдруг ужасно захотелось это сделать.

— Куда? — крикнула она.

А я мчался навстречу холодному ветру, рубашка у меня расстегнулась на груди, мчался и всё никак не мог догнать эту «Тулу» с кузовом.

После я уже не смог бежать, остановился: дых-дых, дых-дых и — смешно сказать! — увидел продавца мороженого.

Я быстро купил стаканчик и помчался обратно.

Я издалека увидел Евгению Максимовну. Она садилась в трамвай и махала мне рукой.

Трамвай уехал.

А я пошёл куда глаза глядят, я стал сам есть этот стаканчик, раз уж она уехала, ветра я не замечал и так и не застегнул на груди рубашку. Потом я заблудился и долго искал свой дом. Дома здесь все довольно похожие, особенно для нового человека, после нашёл наконец. Ветер всё дул. Я долго, оказывается, проболтался на улице, наверное, поэтому и заболел. Наверное, поэтому. В тот же самый день. Вечером.

13

— Громов! — сказала учительница географии.

Я встал. Был понедельник, первый день в школе после больницы.

Я точно знал, что весь класс смотрит на меня, но я ни на кого не глядел, глядел прямо на карту.

Трудно в это утро было идти в школу. Вчера ещё я об этом не думал, вернее, думал, знал, что будет трудно, но отмахивался, старался не думать, а вот сегодня утром я уже это чувствовал. Чувствовал, что до того неохота идти, что хоть беги куда попало. Но я пошёл, само собой. Только я медленно шёл, чтобы прийти к самому началу первого урока. И всё-таки я пришёл рано, минут за пять. И сразу же началось. Те, кто из на-

шего класса шёл рядом со мной по улице, перед школой, или в вестибюле, или на лестнице тут же прицепились ко мне: «Привет, Громов!», «Здорово, Гром!», «А-а, здравствуй!», «Как дела, Гром?», «Что, Громов, поправился? Молоток!», — а я только кивал, иногда отвечал: «Привет», «Привет», «Здравствуй», «Привет».

Я вошёл в класс, когда уже все рассаживались, и даже не поглядел, есть Бома на своей последней парте, или его нет.

— Знаешь что, Громов, — сказала учительница географии, а я стоял, глядя на карту. — Ты сегодня расскажешь нам про Сибирь. Правда, по программе нам ещё до неё далеко, но я прямо не знаю, как с тобой быть, сначала ты опоздал на занятия, нет, я понимаю, это не по твоей вине, потом болел, мне нельзя тебя спрашивать, но и не спрашивать тоже нельзя, ты у меня один без отметки, так что давай, расскажи нам про Сибирь.

— Я выучил то, что задавали, — сказал я. — Мне ведь приносили задания домой. Я знаю.

— Молодец, — сказала она. — Но всё-таки ты болел. Мало ли что. Лучше уж про Сибирь. Иди.

Я вышел к доске, взял указку и стал к карте боком, глядя в окно.

— Ну, — сказала она.

— Сибирь большая, — сказал я. Противно, наверное, было слушать мой голос. —

Я, конечно, мало что про неё знаю, я могу рассказать только про тот городок, где я жил.

— Сибирь огромная, — согласилась она. — У нас ещё будет время изучить её всю, но ты расскажи про свой городок. Это правильно.

В классе было очень тихо. Я слышал, как в этой тишине жуёт ириску Кудя. Я подошёл к карте и долго (я так и не понял, внимательно или невнимательно) искал свой городок.

— Вот он. Здесь, — сказал я и ткнул указкой в карту. — Вот тут.

Она подошла ко мне и посмотрела, куда я ткнул.

— Здесь ничего нет, — сказала она, но я хорошо помню, что в классе было так же тихо, никто не смеялся.

— Конечно нет, — сказал я. — И быть не может. Это очень маленький городок. Но он здесь, в радиусе двух сантиметров.

— А, понимаю, — сказала она. — Покажи, пожалуйста, ребятам этот радиус.

Она отошла в сторону, я тоже и поводит указкой несколько раз по карте.

— Когда-нибудь, — сказал я, — этот городок тоже будет на карте, потому что он растёт.

— Разумеется, — сказала она.

— В этом маленьком городке, — продолжал я, — есть химический завод, один, и там развивается химическая промышленность.

У меня уши вяли от собственных слов.

— Кругом там тайга, а зимой морозы, но летом бывает очень жарко.

— Климат понятен, — сказала она. — Климат там континентальный.

— Он континентальный, — продолжал я. — И там ещё у нас есть река, вернее, речка, называется она — Устинка. Там есть плотва, окунь и хариус, мы их ловим, есть ещё таймень, крупная такая рыба.

— Расскажи, пожалуйста, про неё ребятам. Про эту рыбу.

— Ну, сам я её не ловил, она очень крупная, но я её видел.

— А население?

— Что население?

— Расскажи про население. Кто там живёт?

— Ну... Там ведь завод, химический, я говорил, он очень большой и всё население на нём работает, а дети учатся. Есть ещё автобаза и кинотеатр. Ещё у нас много кедров, и мы лазаем на них за орехами, очень высоко, и в магазине орехи продаются тоже.

— А сельское хозяйство?

— Я не знаю, — сказал я. — У нас там нет сельского хозяйства.

— Как же так?

— Не знаю. Нет. Овощи и фрукты нам привозят. И хлеб.

— Ну вот видишь, значит, где-то недалеко всё же есть сельское хозяйство.

— Не знаю, — сказал я. — Далеко оно или нет, я точно не знаю.

— Ну всё, достаточно, — сказала она. — Молодец. Садись. Пять.

Я пошёл на место совершенно обалдевший от всего этого. Да за что «пять»? Что я такое на «пять» рассказал? Да и можно ли ставить «пять», если я рассказывал только про то, что я и так знаю, а вовсе не учил, к тому же — отвратительно рассказывал, сам не знаю почему.

И вдруг она говорит (я даже обомлел):

— Я надеюсь, вы все внимательно слушали ответ вашего товарища. Не так ли? Кто хочет повторить? Никто? Тогда, пожалуйста, Макаров.

Тишина была в классе, как в пустом подвале.

— Я не буду, — сказал Бома.

Я слышал, не оборачиваясь, грохот крышки его парты. Он встал.

— Вот новости, — сказала она. — Почему?

— Я не слушал ответ.

— А почему?

— Не слушал, и всё.

— Так почему? Тебе безразличен ответ твоего товарища?

А он говорит басом в полной тишине:

— Не хотел и не слушал!

— Тогда я вынуждена буду поставить тебе два.

— Ставьте! — сказал Бома.

— Разумеется, — сказала она, разыскивая его фамилию в журнале.

— Сколько хотите двоек, столько и ставьте, — сказал Бома.

— Не надо ему... двойку! — почти выкрикнул я. Противно мне было, что это из-за меня, — дальше некуда.

— Эт-то ещё что такое?! — спросила она.

— Я плохо отвечал, — сказал я.

— То есть?! Я же поставила тебе пять.

— И зря, — сказал я.

— Ты, Громов, садись, не вмешивайся, — сказала она. — Я сама разберусь.

Бома захохотал.

В классе было тихо.

— Перестань, Макаров, — сказала она. — Садись. Два.

14

Прошло три дня, или пять, или чуть больше — не помню, и всё оставалось по-прежнему. Бома, самое главное, ко мне не приставал, и я, само собой, тоже его не трогал. Он ходил злой как чёрт, и все, кажется, боялись его из-за этого больше прежнего, а может, и так же, потому что в классе был я, и поэтому ко мне многие приставали сверх всяких моих сил.

Понемногу я присматривался к классу, вернее, не присматривался, а узнавал людей, — всё-таки время шло, и хочешь не хочешь, а я стал запоминать кто есть кто.

Кроме Бомы, Рыбкиной и Куди была ещё Надька Купчик, кругломорденькая весёлая девочка, надменный тощий Цыплаков, Радик Лаппо — шахматный король, братья Бернштейны — гимнасты, молчаливый и ехидный, по-мо-

ему, белобрысый такой Валера Щучко, Галка Чижова, Жора Питомников, Люда Александрова-Пантер, очень красивая девчонка Нина Луфарёва, которую почему-то звали Пумка, и другие — всех, конечно, я ещё запомнить не мог.

Кроме ехидного Щучко и Пумки, которая, по-моему, только и занималась, что своей красотой, ко мне лезли все, а особенно Цыплаков. Сначала он долго не лез, готовился, что ли, а однажды разлетелся ко мне на переменке и говорит:

— Ты, я вижу, гордый человек, Громов.

Я покраснел и стал щипать стенку.

— Я тоже гордый, — продолжал он, — и мне не хотелось подходить к тебе сразу, но теперь я понял, что мы с тобой уживёмся.

Неплохо ляпнул, а? «Уживёмся».

— Я, — говорит, — очень хорошо понимаю твой поступок в адрес Макарова, — хватит терпеть.

Мне вдруг стало явно не по себе, будто в меня ввели железный прут, потом меня согнули, и прут согнулся, но не разогнулся после, и я так и остался такой вот скрюченный. Может быть, поэтому я и брякнул нелепицу.

— Что же вы, — говорю, — без меня не могли поставить его на место?

— О! — говорит Цыплаков. — Здесь всё не так просто, здесь нужен момент, вот ты как раз и подросел к этому моменту.

«Да, подросел», — подумал я, а он продолжал:

— Со мной тоже был случай, когда я проявил гордость. Я отстал от всех в лесу, чтобы побродить одному, залез на дерево и нечаянно зацепился за сук и повис. Так и висел до ночи и никого не звал, чтобы не быть посмешищем. Еле отцепился. Но сам. Никому ведь не хочется быть посмешищем, но не каждый может вести себя соответственно. Я, например, могу, и ты, разумеется, тоже.

Чем-то он мне напомнил английского Сашу в белом свитере. Такой же тип. Похожий. Тут же ко мне вдруг подлетела какая-то рыжая суматошная девчонка и сначала схватила меня за руку, а потом уже спросила:

— Ты Громов?

— Да, я, — сказал я.

— Скорее беги к директору, он велел.

— Зачем бежать? — спросил я. — Нельзя, что ли, идти?

Но она уже тащила меня за руку по всему коридору. Возле двери в кабинет она сказала: «Вот» — и исчезла. Торпеда, а не девчонка!

Я постучался и вошёл.

— Здравствуйте, — сказал я и вдруг поклонился, ну, только головой, мама мне велела так делать всегда, когда я здороваюсь со взрослыми, но у меня почти никогда не выходило; сегодня вдруг вышло.

— Здравствуй, — сказал он. — Слушай, у тебя есть знакомый, Дымшиц?

— Да, — сказал я. — Это папий сослуживец.

— Вот и прекрасно, — сказал он. — А то у нас в школе Громовых много, а я не разобрал, какой именно. Дымшиц просил передать, что договорился об экскурсии на завод вашего класса, завтра в три. Он будет ждать у проходной. Он хотел передать тебе через отца, но отец сегодня в местной командировке. Всё понял? Ну, иди на урок.

— Спасибо большое, — сказал я, снова поклонился и вышел.

Всё насчёт экскурсии на завод я передал во время пере-

мены Евгении Максимовне. Странно, но в первые дни в этой школе я бы, пожалуй, всё же не постеснялся объявить классу об этой экскурсии сам, ведь ляпнул же я про залив, никто ведь за язык не тянул. Об экскурсии, раз уж Дымшиц договорился, сказать было бы ещё проще, но вот сейчас, в эти дни, я уже не мог.

Евгения Максимовна сделала всё как надо, вроде бы экскурсия со мной связана, а вроде бы и нет.

В общем, пронесло. Удивительное дело, я умудрился получить четвёрку по арифметике.

Рис. Ю. Шабанова

(Продолжение следует)

Петя Кучменко и его друзья

(К фотографии на 3-й странице обложки)

В ЛЕНИНГРАДЕ, на Фонтанке, недалеко от Аничкова моста, стоит дом. Очень красивый. У входа вывеска: «Дом дружбы и мира с народами зарубежных стран». Это здание знают многие ленинградцы. И не только они. Почти все зарубежные гости приходят сюда, чтобы встретиться с приветливыми хозяевами города Ленина — рабочими и учёными, писателями и артистами.

А в конце прошлого учебного года Дом дружбы принимал не совсем обычных посетителей. Они были в красных галстуках. Кое-кто держал в руках книги и альбомы. Ребята поднимались по широкой мраморной лестнице на второй этаж, в зал и чинно усаживались за столы.

Одним из первых вошёл в зал невысокий румяный мальчик в пионерской форме. Он начал было знакомиться с соседями, расспрашивать, кто из какой школы и в каком классе учится, но тут из-за большого стола встал Генеральный консул Германской Демократической Республики в Ленинграде товарищ Фриц Штуде.

— Дорогие друзья, — сказал Генеральный консул. — Мне очень приятно открыть третий тур нашего конкурса «Побратимы». Вы знаете, что конкурс организовали две газеты: ваша ленинградская газета «Ленинские искры» и орган Дрезденского окружного комитета Социалистической единой партии Германии «Зексисше цайтунг». Конкурс посвящён столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина и двадцатилетию образования ГДР. Цель этого конкурса замечательная — ещё лучше познакомить, ещё крепче сдружить детей городов-побратимов. Два первых тура были заочными. Здесь присутствуют школьники, которые прислали в «Ленинские искры» самые интересные и точные ответы. А сейчас мы продолжим соревнование, чтобы определить победителей. Позвольте мне задать первый вопрос...

Так начался третий тур «Побратимов». Если бы кто-нибудь заглянул в зал из-за двери, он бы подумал, наверное, что тут идёт экзамен. Жюри задавало вопросы. Ребята отвечали. Но нет, это всё же несколько не походило на экзамен! Потому что каждый отвечал не ради отметки — отметок никаких не было. Правда, члены жюри делали пометки в блокнотах, лежащих перед ними, и против каждой фамилии таких пометок оказывалось по десять, пятнадцать, а то и по двадцать: так часто поднимались руки. Одна девочка, Марина Мнускина, даже подпрыгивала на стуле: очень ей хотелось ответить на все-все вопросы!

А румяный мальчик — его звали Петя Кучменко — не торопился и поднимал руку только тогда, когда был совершенно уверен, что знает. Если же не знал — внимательно выслушивал ответы других. Ребята рассказывали много интересного о жизни Маркса и Энгельса, о пребывании В. И. Ленина в Германии, о кипучей жизни Эрнста Тельмана. Особенно подробно они говорили об округе Дрезден, о жизни и учёбе пионеров ГДР. В зале звучали стихи на немецком языке. А Наташа Шпитальная отвечала на некоторые вопросы по-немецки.

Так прошло почти три часа. Всем было очень интересно, и все очень волновались, когда председатель жюри товарищ Штуде начал называть победителей. В первую пятёрку попали и Наташа, и Петя. Наташа перешла в девятый класс, Петя — в шестой. Он оказался самым младшим из «лауреатов». Ребята дружно захлопали, узнав, что Наташа награждена поездкой в Дрезден, а Петя — подарком немецких товарищей, отличным фотоаппаратом.

На следующее утро Петя выбежал во двор, держа в руках свою премию. Друзья окружили его, и они вместе испытали фотоаппарат. Потом мальчишки заявили, что обязательно примут участие в следующем конкурсе «Ленинских искр». И сам Петя с нетерпением ждёт следующего конкурса.

Хотя, если говорить честно, Петину победу нельзя назвать везением. Он немало потрудился: читал книги, разглядывал атласы и географические карты, хорошо запомнил ответы своих товарищей, узнал много интересного на приёме, устроенном в консульстве для участников турнира.

В общем, всё вышло так, как сказал товарищ Штуде: конкурс «Побратимы» помог ещё крепче сдружить между собой пионеров Ленинграда и Дрездена!

В. БИАНКИ,
редактор газеты «Ленинские искры», член жюри конкурса «Побратимы»

О СОСНЕ И О ЕЁ ПНЕ

Тогда —
военною весной —
пень был душистою
сосной.
И под сосной,
усатый,
спал человек
с гранатой.
Он спал,
раскинув кулаки...
А по дороге шли
враги.
На них ремни
и — каски.
Под каской —
злые глазки.
Сосна шептала:
«Дядя,
вставай,
фашисты сзади...
Проснись, усатый,
полно...»
И шишкой дядю —
по лбу!
Проснулся
дядя-партизан.

Провёл рукой
по волосам.

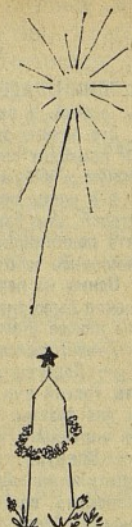
И слышит:
по дороге
идут чужие ноги!
Сосна ему лопочет:
«Беги,
опасно очень...»
Ручей со дна оврага
журчит: «Беги,
бедняга!..»

Кричит на ветке птица:
«Вам надо
торопиться!»

Но дядя взял гранату.
Ему сражаться надо.
Он встал.
Расправил плечи.
Шагнул врагам
навстречу!

И от врагов той
ночью

остались только —
ключья!
С тех пор
на этом месте
стоит звезда из жести.
А от сосны кудрявой
остался пень
корявый...

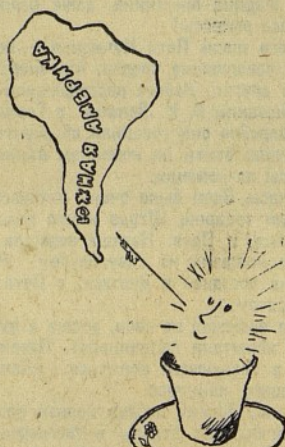
МОРКОВКИНЫ ЖАЛОБЫ

Ты не три меня
о штаны.
Полземли на мне,
полстраны.
В кадку сунь меня,
ткни под кран.
Окуни меня
в океан...
Под землёю-то
солнца нет.
Так хотела я
к вам на свет.
Мне бы зеркала,
хоть — чуть-чуть!
Хоть бы в лужицу
мне взглянуть:
не в грязи ли там
нос и бровь?!
Ну и рыжая
я морковь!

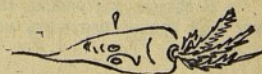
РАССКАЗЫВАЕТ КАКТУС

На веранде,
где цветочки,
я сижу в своём
горшочке.
Я, конечно,
невелик,
но смотри! —
ужалю вмиг.
Ты не веришь,
мальчик?..
Протяни свой
палец.

Что?!
Ого?
Вот так-то, друг.
Не бери нас
на испуг.
У меня братишка
в Мексике живёт.
Он большой,
как вышка,
дотянись-ка вот!

И колючек много,
жгутся, что огонь!
Ты меня не трогай,
ты братишку тронь.

ИСТОРИЯ ГЛИНЯНОГО ЧЕРЕПКА

Спотыкается сапог
о какой-то черепок.
Знать, конечно, интересно:
кем он был,
пока не треснул?
В те далёкие века
был он — доньшком горшка.
На костре —
в дыму и саже —
в том горшке варили кашу.
Дед варил. Варила бабу.
Помогали внук и Шавка.
Каша вкусной оказалась,
ни крупинки не осталось.
Все поели. Все уснули.

А Н А Н А С

А вот бы
не в Африке,
вот бы у нас
не хрен бы,
не редька,
а рос —
ананас!

Рис. Г. Ковенчука

Никто б не поверил,
ни Гришка,
ни Мишка.
Сказали бы:
это кедровая шишка!

Шавка спит на карауле:
левый глаз открыт,
а правый —
притворяется, лукавый!
Появляется медведь.
Неспроста! —
Голодный ведь...
Носом сунулся в горшок.
Шавка — сделала прыжок!
Приподнялся внук-детина!
Дед рукой схватил дубину!
А медведь,
ломая лес,
аж на дерево залез!
На горшок — такой-сякой! —
наступил своей ногой.
Потому-то и осталась
от горшка такая малость.

РАССКАЗ О МЕДАЛИ

(За что её дали)

Медаль повесили
на грудь
весёлому солдату.
Всю ночь не мог
солдат уснуть,
как будто
виноватый...
Всю ночь понять
хотел он —
что он такого
сделал?
Он просто спас
мальчишку —
там,
в деревне,
на пожаре.
Солдата — дым
по волосам
погладил —
Смелый парень!
...А тот мальчишка
(где и страх!),
тот маленький
растяпа
спал у солдата
на руках,
как на руках у папы.

Путешествие по стране «Сентябрь»

Прямо по курсу — страна «Сентябрь»... Страна пёстрых листьев. Листья летят, кружатся, падают, скачут. Устилают землю и воду таким пёстрым ковром, что в глазах рябит и кружится голова.

По всему лесу шорохи, шелесты, шёпоты.

Всё перекрашивается: берёзы и клёны в жёлтое, рябины и осины в алое. И стоит весь лес как сказочная жар-птица: и золото, и пурпур, и бронза, и малахит!

Хорошо в осеннем лесу!

Хорошо идти по лесной тропинке. Хорошо находить грибы. Хорошо просто смотреть и слушать.

А это кто такой шустрый! Ёжик конечно. Спал себе спокойно после ночной охоты и беды не чуял. А тут ногой толкнули, шапкой накрыли, как какую-нибудь бабочку-капустницу! Одно спасение: съежиться и колючки растопырить. Может, и бросят.

Грибы тоже прячутся: кто под лист папоротника, кто под еловую лапу. Тёплые тайнички ищут. А тех, которые на виду стояли, — всех собрали уже.

Новая встреча — белка!

Эта осени не боится. Ей что ни дерево — то скатерть самобранная. На ёлках и соснах — шишки, на рябине — ягоды, на лещине — орехи, на дубе — жёлуди. Набегается, наиграется, наестся — и спать в «гайно». Свернётся на меховой перинке, накроется хворостом, как одеяльцем.

Шуршат опавшие листья под ногами. Попискивают синицы в ветвях. А над головой, под самыми облаками, летят на юг журавли. И прощальные голоса их громко звучат над яркой и пёстрой страной «Сентябрь».

Осень на пороге

— Жители леса! — закричал раз утром мудрый ворон. — Осень у лесного порога — все ли к её приходу готовы?

Как эхо донеслись голоса из леса:

— Готовы, готовы, готовы...

— А вот мы сейчас проверим! — каркнул ворон. — Перво-наперво осень холоду в лес напустит — что делать станете?

Откликнулись звери:

— Мы, белки, зайцы, лисицы, в зимние шубы переоденемся!

— Мы, барсуки, еноты, в тёплые норы спрячемся!

— Мы, ежи, летучие мыши, сном беспробудным уснём!

Откликнулись птицы:

— Мы, перелётные, в тёплые края улетим!

— Мы, оседлые, пуховые телогрейки наденем!

— Вторым делом, — ворон кричит, — осень листья с деревьев сдирать начнёт!

— Пусть сдирает! — откликнулись птицы. — Ягоды видней будут!

— Пусть сдирает! — откликнулись звери. — Тише в лесу станет!

— Третьим делом, — не унимается ворон, — осень последних насекомых морозцем прищёлкнет!

Откликнулись птицы:

— А мы, дрозды, на рябину навалимся!

— А мы, дятлы, шишки начнём шелушить!

— А мы, щеглы, за сорняки примемся!

Откликнулись звери:

— А нам без мух-комаров спать будет спокойней!

— Четвертым делом, — гудит ворон, — осень скукою донимать станет! Туч мрачных нагонит, дождей нудных напустит, тоскливые ветры науськает. День укоротит, солнце за пазуху спрячет!

— Пусть себе донимает! — дружно откликнулись птицы и звери. — Нас скукою не проймёшь! Что нам дожди и ветры, когда мы в меховых шубах и пуховых телогрейках! Будем сытыми — не заскучаем!

Хотел мудрый ворон ещё что-то спросить, да махнул крылом и взлетел.

Летит, а под ним лес разноцветный, пёстрый — осенний. Осень уже перешагнула через порог. Но никого нисколько не напугала.

Дуб и рябина

— Ой, рябина-ряби-нушка, что взгрустнула ты?

— Была я, дуб, тонкой рябинкой, а стала сухой корягой. Ободрали меня ребяташки как липку, разделали под орех. Ни ягод на мне, ни сучков, ни веток — хоть в костёр головой! Хоть бы ты, дуб, меня защитил.

— Что ты, что ты! Я сам теперь, голубушка, такой, что краше в дровяной склад кладут. Всю-то осень жёлуди с меня сшибали, камнями да палками по голове молотили. Всю душу вытрясли! Был я дубом, стал дубиной...

— Когда же ты тогда не ешь?

— Когда сыт бываю.

— А когда же ты сытым бываешь?

— Да никогда...

Кто как спит

— Ты, заяц, как спишь?

— Как положено — лёжа.

— А ты, тетёрка, как?

— А я сидя.

— А ты, цапля?

— А я стоя.

— Выходит, друзья, что я, летучая мышь, ловчее всех вас сплю, удобнее всех отдыхаю!

— А как же ты, летучая мышь, спишь-отдыхаешь?

— Да вниз головой...

Белка

и медведь

— Эй, медведь, ты днём что делаешь?

— Я-то? Да ем.

— А ночью?

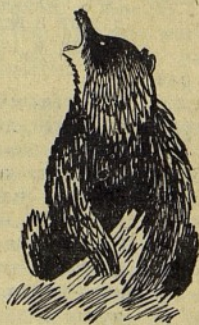
— И ночью ем.

— А утром?

— И утром.

— А вечером?

— И вечером ем.

Сердитые голоса

Жалуемся на мальчика с охотничьим топориком. Шёл он по лесной тропке и топориком своим срубал сучки и ветки налево и направо. Молодым берёзкам и осинкам вершинки срубал. Кору стёсывал на стволах, втыкал топорик и делал зарубки. Когда мы, деревья, спросили мальчика, зачем он делает это, — мальчик показал нам язык и ничего не ответил.

Жалуемся на мальчика с коробком спичек. Он тоже шёл по лесной тропинке и всё вокруг поджигал. Вспыхивали, как фейерверк, сухие кусты можжевельника, дымили пучки пожухлой травы, чадили лесные муравейники, коптели на стволах натёки смолы. Мальчик кричал и смеялся, а мы задыхались от страха и дыма. Когда мы спросили мальчика, зачем он делает это, — мальчик показал нам кулак и ничего не ответил.

ЛЕСНЫЕ КУСТЫ

Что хотите с нами делайте: на куски режьте, жарьте, варите, солите. Даже маринуйте! Но только не выдирайте с корнем, не разрывайте вокруг лесную подстилку, не портите нашу грибницу. А не послушаетесь, так мы совсем расти перестанем! Останетесь вы тогда без жарева и варева, без солений и маринадов.

ГРИБЫ

РАССКАЗЫ ЗАВИРУШКИНА

Удивительная страна

(Рассказ-загадка)

Довелось мне однажды быть в чудеснейшей стороне. Там зима и лето совсем рядом — рукой подать. Если ты продрог в зиме, шагай в лето и грейся! Нажарился на летнем солнце — шагай назад в зиму. А не хочешь — стой посредине, в осени. Не холодно и не жарко!

Помню, однажды играли мы там в снежки. Да надоело мне на белый снег глядеть, я и говорю:

— Вот бы сейчас на золотую осень полюбоваться, грибов бы да ягод пособирать!

— Ну что ж, — говорят мне жители той земли. — Можно и грибов. Пошли! Осень золотая у нас рядом.

Бросили мы снежки и пошли. И часу не прошло — пришли. Посмот-

рел я вокруг — осень золотая! Листья разноцветные, на кустах ягоды, под кустами грибы! Хочешь любуйся, хочешь — грибы-ягоды собирай! Вот какая удивительная земля.

Разохотился я — была не была!

— Вот бы, — говорю, — лето сейчас вокруг было! Выкупаться бы, на солнце позагорать!

— Ну что ж, — говорят чудоземельцы. — Лето так лето. Пошли! Для нас это ничего не стоит!

Немного прошли — в лето пришли! Жарко, деревья и трава зелёные, цветы растут, пчёлы гудят, бабочки порхают! Хочешь — купайся, хочешь — загорай!

Давно это было, а по сей день ту землю помню. Бывало, сам в осени

стоишь, по левую руку от тебя лето, а по правую — зима. Кругом повернёшься — по левую руку зима, по правую — лето. Выбери, что душе любо!

А вам не приходилось в таких землях бывать?

ОТГАДКИ

Загадки в августе были про грибы. Я вам их сейчас напомним.

1) Растут ли в наших лесах грибы... подземные?

2) Бывают ли грибы двух- и трёхэтажные?

3) Встречаются ли грибы развесистые, со множеством шляпок на одном корешке?

Прошлый раз уважаемый Завирушкин всем советовал собирать именно такие грибы. Найдёшь один развесистый или трёхэтажный гриб, говорил он, и сразу корзинка полная! А то ходи да кланяйся в пояс каждому подосиновичку да подберёзовичку, к вечеру и спину не разогнёшь. Подземные грибы он рекомендовал собирать из-за их чудесного вкуса и запаха. А чтобы искать их было просто — под землёй-то их не видно! — советовал завести специальную собаку-грибоищейку! Вынюхает, мол, грибоищейка гриб под землёй — лапами его разроет и хозяина голосом подзовёт. Подходи и бери готвенью!

Мало кто из ребят поверил его рассказу. «Ни ра-

зу в жизни мы не встречали грибов подземных, которые с собакой искать надо. И что это за грибы развесистые и трёхэтажные? Таких не было, нету и быть-то не может!»

Когда мы рассказали об этом Завирушкину — он только рассмеялся.

И прав опять-таки оказался он! Растут в наших лесах грибы развесистые, с десятками шляпок на одной ножке. От шляпок этих весь гриб кажется каким-то курчавым. Наверное, поэтому его и называют гриб-баран. Вот посмотрите какой он (рис. 1). Весит такой гриб до трёх килограммов: один-два найдёшь — и корзинка полная!

Редко, но встречаются грибы двух- и трёхэтажные. На шляпке нижнего гриба вырастает второй, на шляпке второго — третий.

Получаются вот такие странные грибы-уродцы (рис. 2). Двухэтажные и трёхэтажные (рис. 3). Найти такие грибы, конечно, очень интересно. И если вам попадутся — непременно нарисуйте или сфотографируйте их.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

И, наконец, о грибах подземных. Есть у нас, оказывается, и такие. Грибы эти странные: у них ни ножки, ни шляпки. Похожи они на картофелину (рис. 4). А называются — трюфели. Растут они под землёй: на глубине 5—10 сантиметров. Знатоки-грибники так любят их за чудесный вкус и аромат, что в старину даже специально дрессировали собак, и те по запаху находили ароматные трюфели.

Т И Ш К А

Я И САМ не понимаю, зачем я это сделал. Возможно, виновата была жара.

Наше судно зашло в порт Конакри на двое суток, и мы выгружали тяжёлые ящики с оборудованием для госпиталя. Жарища стояла такая, что каждые полчаса мы включали помпу и поливали друг друга из пожарного брандспойта заборной водой. Вода была тёплая и пахла нефтью.

К концу вторых суток нам разрешили сойти на берег. Но в городе было ещё жарче. Асфальт словно горел под ногами. Солнце заходило. Бродить по городу не хотелось. Мы сели на скамейку под пальмами и смотрели, как идут машины и повозки, запряжённые медлительными рогатыми буйволами.

Я сидел и думал о том, как хорошо сейчас у нас дома, в деревне Голубково. Осень, в лесу полно грибов. Мой братишка Володька сразу же после уроков бежит на Серебрянку — там здорово берут щуки...

Из всех заграничных портов, где мне пришлось побывать, я отправлял домой, в Голубково, письма. Впрочем, я знал, что Володьку больше интересуют не мои письма, а марки.

Он вечно что-то собирал. У него был целый склад спичечных коробков и разных перьев, куча значков и открыток с видами городов. Марки и монеты — это само собой. А однажды мама пошла в чулан за

молоком и, выронив лампу, с криком выбежала во двор. Рядом с крынками на полке стояли закрытые литровые банки, в которых извивались пять или шесть змей!

«Я начал собирать разных животных для уголка живой природы», — объяснил по этому поводу Володька.

Мама писала мне, что Володька когда-нибудь сведёт её с ума. По дому она ходила, боясь обнаружить у себя под подушкой каких-нибудь белых мышей, а в кастрюле — лягушек или ящериц. В нашем доме появились кролики. В чулане, привязанная цепочкой за ногу, сидела сова, а на кухне в корыте плавали караси. «Я даже не могу постирать, — жаловалась мне в письме мама. — За корытом хожу к соседке».

Собирание животных длилось уже больше года. О живом уголке в голубковской школе писали в газетах. Там ползали черепахи и свистели попугайчики, которых ребята купили в Ленинграде во время экскурсии. Рассказывали, что Ленинграда Вовка так и не видел. Он часами торчал в зоопарке у клеток и тихо страдал от того, что в Голубкове нет хотя бы самого завалящего бегемота. И вообще, по его мнению, в Голубкове давно пора завести свой колхозный зоопарк. Клуб есть? Есть! Музей партизанской славы есть? Есть. Театр самодеятельности имеется? Имеется! Значит, не хватает только зоопарка.

Самое удивительное, что Вовкину затею с уголком живой природы поддержал на колхозном собрании наш сосед, дядя Евсей. Сварливый и злющий дед! Что бы ни делалось в селе, он только поджимал тоненькие губы и говорил:

«Эх, придумщики-выдумщики!»

А тут, на собрании, даже выступил, чего раньше с ним отродясь не случалось.

«Дать ребятам свое помещение! — требовал он. — Может, они, придумщики-выдумщики, какую-нибудь там новую породу кур напридумывают. Может, они учёными станут. Газеты о таких случаях всё время пишут».

Ему долго хлопали, а потом ещё дольше ломали головы: что это с дедом Евсеем случилось? Так и не догадались бы, если б он не объяснил сам:

«Ребят при деле надо держать. Обратно же, ежели они при деле, баловать меньше будут. А то что ни год — у меня яблони трясут... Соображать надо!»

Так вот оно что! О своих яблонях беспокоился дед Евсей!

Никто из нас не любил жадного деда Евсея. В другие сады нас пускали охотно — иди и ешь яблоки, сколько тебе угодно. А дед Евсей держал специально обученную, злющую собаку и по всему забору вдобавок развесил колючую проволоку. Весь сад у него был перетянут верёвочками, на которых висели пустые консервные банки. Заденешь верёвочку — и по всему селу такой пойдёт грохот, что, наверно, сильнее пушечной пальбы.

Но я, кажется, затянул свой рассказ. Впрочем, без этого нельзя рассказать о том, что произошло в Голубкове прошлой осенью.

Так вот, виновата во всей этой истории была, должно быть, африканская жара. Иначе чем объяснить мой поступок? Я просто одурел от этой жары, сидя на скамейке в Конакри. И когда ко мне подошёл чернокожий мальчишка с обезьяной, я, не задумываясь, купил у не-

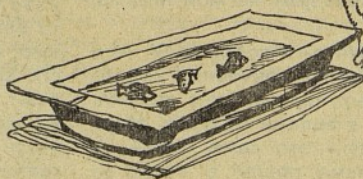
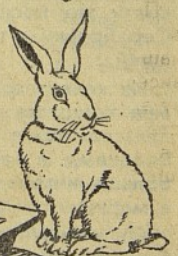
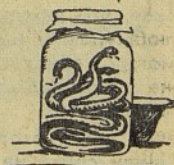
го это славное, с симпатичной мордашкой, животное. Купил для Волodyки, представляя себе, как он будет визжать от восторга. Лучшего подарка ему и не надо было! И вот с этой покупкой я появился на палубе нашего судна и предстал перед грозными очами боцмана дяди Гриши.

— Так! — свирепо произнёс он. — Не успел пойти в рейс, а уже покупаешь всякую экзотику? Ты, может, ещё и жирафу купишь, а? Или, скажем, крокодила? Здесь тебе судно Балтийского пароходства, а не плавучий зоопарк, и грязь разводить не дозволено.

— Не будет никакой грязи! — взмолился я. — Вы только посмотрите, какое это опрятное животное.

— Да, вижу, — хмыкнул боцман. — Оно каждое утро чистит зубы и моется мылом «Мойдодыр». Так вот, приказываю спускать обезьяну на берег.

У меня, должно быть, был очень расстроенный вид. Я клялся и божился, что никому, ровным счётом никому, обезьяна не доставит никаких

хлопот, что у меня есть братишка, и я обещал ему живую обезьяну, что это бессердечно в конце концов лишать детей радости...

— Дурень ты, — уже мягко сказал дядя Гриша. — Ну, привезёшь ты эту мартышку или макаку — кто она у тебя там? — в Ленинградскую область, что она, на лыжах с твоим братишкой бегать будет? А кормить её чем? Или у вас в огороде бананы, может быть, растут?

Нет, у нас не растут бананы. И зима у нас бывает серьёзная — с морозами и вьюгами. Но живут же обезьяны в Ленинградском зоопарке!..

— Ладно, — разрешил дядя Гриша. — Но смотри у меня: чтобы никакой грязи. Увижу — так и знай: съем тебя вместе с твоим гамадрилом, или кто он у тебя там...

НАДО ЛИ говорить, что неожиданный пассажир стал общим любимцем? Каждый тасил ему что мог: бананы, ананасы, конфеты, даже помидоры появились в закуске под трапом, где сидела привязанная верёвкой обезьяна.

Вечером собрался совет. Вопрос был один: как назвать обезьяну? Предлагались десятки имён, одно красивее другого. Дядя Гриша, проходя по палубе мимо нас, кинул на ходу:

— Да просто Тишка. У меня когда-то кот был — Тишка.

— Так ведь то кот, а здесь — обезьяна! — возразил кто-то.

— Ладно, — согласился я. — Тишка так Тишка.

Просто мне не хотелось вступать в спор с боцманом. Как-никак наше с обезьяной благополучие зависело от него. Я помнил его угрозу в случае чего слопать меня вместе с обезьяной. А тут как-никак он становился крёстным этому существу.

А Тишка оказался великим добряком. Не знаю, какое чутьё ему подсказывало, что каждый из нас любит его, но стоило только подойти к Тишке, как он миглом оказывался на плече и доверчиво прижимался к щеке своей тёплой, мохнатой

мордочкой. Только глаза у Тишки были всегда печальными. Как будто бы оттого, что он уезжал и понимал, что никогда больше не увидит свою Африку...

Боцман дядя Гриша окончательно сменил гнев на милость тогда, когда Тишка обнял и его.

— Ну, ну, — с нарочитой строгостью сказал боцман. — Вот ещё чего выдумал — ласкаться... — и сразу куда-то заспешил.

Утром, проходя мимо, боцман сунул мне в руки какой-то свёрток и буркнул:

— На, держи. И — молчок. Ясно?

Я развернул свёрток. Там была самая настоящая стёганая ватная шубка! Дядя Гриша сшил её из каких-то лоскутков голубого шёлка. Даже два кармана было по бокам! А я ведь и не подумал о том, что как только мы выйдем из южных широт, подуют холодные ветры, Ла-Манш встретит нас туманом, а о Балтике и говорить нечего... Худо пришлось бы Тишке!..

И вот наконец всё позади: злой шторм в Бискайском заливе, туманы Ла-Манша, холодный норд в Северном море и морозящие дожди Балтики. Я сошёл на берег в Ленинграде.

Тишка в своём ватном пальтишке сидел у меня за пазухой, время от времени испуганно высовывая отту-

да мордочку. У меня было целых пять выходных дней! И я поехал в Голубково...

Я думал, что Володька будет визжать от восторга. Но он, открыв глаза и увидев на моих руках Тишку, только тихонечко охнул и снова закрыл глаза. Должно быть, он решил, что спит, и всё это ему только снится. А потом, чуть не плача от радости, осторожно взял у меня Тишку и прижал к себе. Со мной он даже забыл поздороваться!

И — пропал человек.

Мама хлопотала возле стола, я помогал ей, а Володька разговаривал с Тишкой. То есть, конечно, разговаривал Володька, а Тишка бегал по всей избе, и всё его интересовало. Он прыгнул на полку с книгами, и Володька объяснил ему, что это — книги. Тишку заинтересовали фотографии, висящие на стене, и Володька растолковывал, кто на этих фотографиях изображён.

— Слушай, — вдруг повернулся ко мне Володька. — Вот я что придумал. Завтра в клубе устроим вечер. Ты расскажешь про Африку, а я сделаю доклад о происхождении человека. Ведь мы всё же от обезьяны произошли, верно? Ну, а

потом первобытные люди, неандертальцы там всякие, кроманьонцы — верно?

— Верно, — сказал я.

— Только про Тишку никому не говори. Пусть все ахнут. Вот будет здорово! В Голубкове собственная обезьяна!

И, расстелив на полу большой лист бумаги, Володька начал писать объявление. Тишка в это время сидел на стуле и грыз конфету.

Вот что писал Володька:

Объявление

Сегодня в нашем клубе в 18 часов

Спешите все!!!

Не опаздывать!!!

ВСТРЕЧА

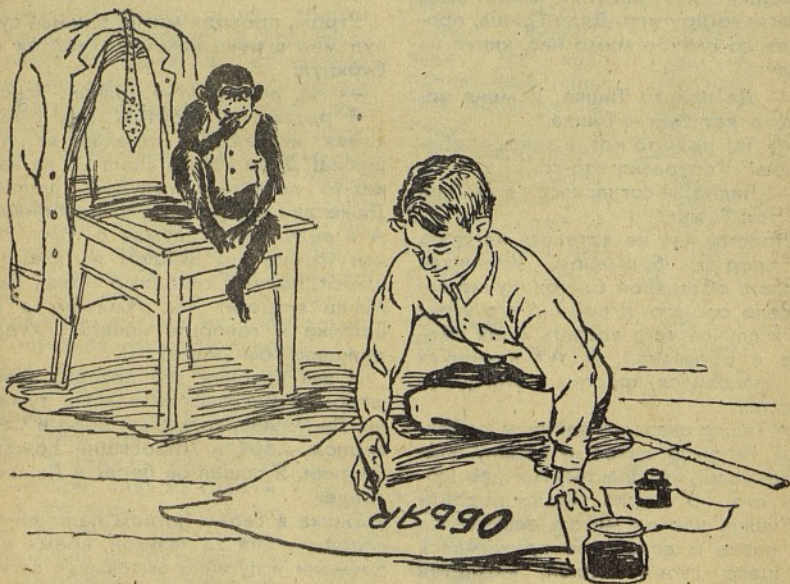
с вернувшимся из Африки
моряком дальнего плавания
Виктором ПЕТРОВЫМ.

Он расскажет о своих впечатлениях.
А потом... О происхождении
человека.

Доклад ученика 6-го класса
Владимира ПЕТРОВА.

С демонстрацией
удивительных экспонатов.

Не опаздывать!!!

— Вот, — сказал Володька, поставив последний восклицательный знак. — Я сейчас сбегаю и прикноплю это объявление, чтоб все видели с утра. Вы тут приглядите за Тишкой.

Он накинул куртку и убежал. Тишка подошёл к дверям и печально прислушался к его удаляющимся шагам.

Мне тоже захотелось пройтись по родному селу. Ночь была удивительно тёплая, такие редко случаются осенью. Я даже не взял свою куртку. Но едва я открыл дверь, как Тишка стрелой мелькнул мимо меня и первым выскочил на крыльцо.

— Тишка! — испуганно сказал я. — Иди ко мне, Тишенька!

Какое там! Видимо, незнакомые запахи и разом открывшаяся свобода поразили Тишку. Он вскрикнул тоненько-тоненько и на четвереньках перебежал двор. Ещё секунда — он взлетел на берёзу и исчез в жёлтой листве. Даже шелеста не было слышно. Откуда-то сверху ещё раз донёсся его тоненький крик — и я понял, что Тишка пропал.

ВОЛОДЬКА не плакал и не ругал меня. Он только побледнел, как бумага, и прошептал:

— Что же теперь будет?

— Подождём рассвета, — сказал я. — Может, он замёрзнет и прибежит греться. Или проголодается, и тогда...

Я ошибся. Проголодаться Тишка не мог. Рядом с нами был сад деда Евсея. И оттуда вдруг донёсся захлёбывающийся собачий лай. А через минуту село словно бы проснулось. Залаяли все собаки сразу. Володька поглядел на меня, а я на него. Мы отлично поняли друг друга. Этот остервенелый собачий лай свидетельствовал об одном: Тишка уже орудует вовсю в саду деда Евсея, и нам вдруг стало весело.

Но тут же Володька схватил меня за руку.

— Ружьё! — прошептал он. — У деда ружьё, заряженное солью. Что если...

Я побежал к забору. В глубине сада была видна огромная овчарка,

беснующаяся под деревом. Она даже пыталась вскочить на корявые ветви яблони.

Вдруг овчарка взвизгнула и отскочила в сторону. Секунду она молчала, словно поражённая чем-то, а затем снова зашлась диким лаем. Потом опять взвизгнула, на этот раз будто от боли.

— Смотри! — прошептал Володька.

Даже в темноте было видно, как сверху, одно за другим, с непостижимой скоростью летят яблоки. Вот снова одно из них ударило овчарку по морде, и собака даже взвыла, — должно быть, досталось ей крепко. Теперь она боялась подойти к яблоне и лаяла издалека.

Мы не видели Тишку, но нам казалось, что это доброе и ласковое существо превратилось в какое-то неистовое чудище. Он яростно кричал и швырял яблоки в собаку с пулемётной скоростью, а ветви яблони ходили ходуном, будто на них разместилось по меньшей мере десять мальчишек.

Наконец появился дед Евсей. Он выскочил в сад в чём спал — в нижнем белье, и белая сухая фигура была похожа в темноте на привидение.

— Сейчас пальнёт! — простонал Володька.

— Вот я вас! — кричал дед Евсей. — Всех заберу! Всех в милицию отправлю! Держи их, Черныш, хватай!

Тут же он запутался в верёвках, протянутых по всему саду, и тогда началось такое, о чём даже трудно рассказывать. Гремели жестянки. Уже не лаял, а протяжно выл Черныш. Кричал дед Евсей. Визжал на яблоне Тишка. А я и Володька лежали на земле под забором и корчились от смеха.

Володька даже не мог смеяться. Он только тихонько посапывал, когда вдруг дед Евсей закричал:

— Люди добрые! Убивают!

Да, теперь Тишка перенёс огонь на деда Евсея. Я видел, как дед, за-

крывая голову рукой, пытаются к дому, а верёвка его не пускает. Должно быть, он сам попал в силки, расставленные им по саду.

— Убивают! — кричал дед Евсей. — На помощь!

И вот тогда Черныш — огромная пегая овчарка — поджав хвост, с воем побежал прочь и исчез в темноте.

Я встал. Перелезть через забор и помочь деду Евсею я не мог. Ведь забор был опутан колючей проволокой. Я тихо позвал:

— Тишка, Тишка!

Из темноты донёсся тоненький вскрик. Маленькая тень мелькнула в траве, потом на заборе. Тишка прыгнул мне на плечо и прижался к моей щеке мохнатой мордочкой. Он дрожал от волнения, а в лапке у него было большое яблоко...

Мы побежали домой, а сзади всё раздавались крики деда Евсея:

— Грабители! В милицию всех отведу! Под суд! Никого не прощу!

ГЛАВНЫЕ события начались с утра.

Володька убежал в школу. Мы договорились, что Тишку до вечера будем держать в чулане. Он сидел в своём голубом шёлковом пальто на табуретке и грыз яблоко.

А в это время в школе появился дед Евсей и сразу прошёл к директору Сергею Васильевичу. Ребята слышали, как он бушевал в учительской.

— Безобразие! — кричал дед. — Мало того, что лучшую яблоню обтрясли, так ещё и в меня начали кидать. Вон какую шишку набили! Требую найти виновных. Родителей оштрафовать в мою пользу! А виновных в милицию на цельные пятнадцать суток за мелкое хулиганство!

Сергей Васильевич, как мог, успокаивал деда Евсея и попросил разрешения лично осмотреть сад.

Я видел, как он с дедом Евсеем обходил сад, недоумённо разводя руками.

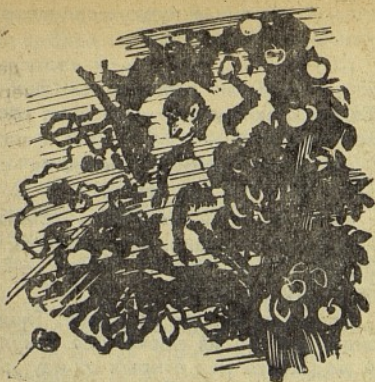
— Не понимаю, — говорил Сергей Васильевич, — чертовщина какая-то. Что они по воздуху пролетели сюда, что ли? Ни одного следа. И обратите внимание — ни одна ветка на яблоне не сломана. Вы говорите, мальчишек было несколько? Как же они могли уместиться на одной яблоне? И потом, как они могли незаметно удрать, если вы всё время были в саду?

Дед потирал шишку и недоумённо моргал.

— Не призна-

лось же это мне, — ворчал он. — Вон сколько яблок натрясли.

Я окликнул Сергея Васильевича через забор, и он обрадованно пошёл ко мне.

— Вернулся? Знаю, знаю, читал объявление! Обязательно приду тебя послушать. Ишь как загорел! — Вдруг он пристально поглядел на меня. — Можно мне зайти к тебе на минутку?

— Конечно! — сказал я.

Я очень люблю Сергея Васильевича. В Голубковской школе он работает давным-давно. У него училась ещё моя мама. Меня он принимал в первый класс, и я думаю, что моряком я стал только потому, что именно Сергей Васильевич рассказал мне однажды про море...

Сергей Васильевич вошёл к нам в избу, сел и, ещё раз внимательно поглядев на меня, сказал:

— Ну, а теперь показывай обезьяну.

— Какую обезьяну? — пытался я изобразить удивление. — Никакой обезьяны нет.

— Не умел ты врать и не умеешь, — засмеялся Сергей Васильевич. — Глаза выдадут.

— Вам, наверно, Володька сказал...

— Нет. Просто догадался. Таинственное объявление... Ночной разбой в саду — и никаких следов... А к тому же, что лучшее может при-

вести наш односельчанин из Африки? Короче говоря, показывай!

Я познакомил его с Тишкой. Сергей Васильевич, приласкав обезьянку, сказал с хитрой улыбкой:

— Знаешь что? Я сейчас пойду к деду Евсею и приглашу его на вечер в клуб. А там посмотрим...

И вот наступил вечер. Я и не ожидал, что соберётся столько народу. Даже из соседнего села пришли ребята, с которыми я когда-то учился в школе. Мне даже стало неловко, будто бы я, сделав всего-навсего один рейс в Африку, совершил бог весть какой подвиг.

Едва я начал рассказывать, открылась дверь и вошёл дед Евсей. На него шикали, а он важно прошествовал через весь зал и сел в первом ряду. Он был в шапке и не снял её. Я-то хорошо знал, почему он не снимает шапку... И мне снова стало так смешно, что я не сразу смог продолжить свой рассказ.

— Вопрос есть, — поднял руку дед Евсей. — Какая живность произрастает в этой самой Африке?

Я сказал: бананы, манго, какао, пальмы...

— Ясенько. А эти самые... мальчишки африканские так же безобразят, как у нас?

В зале раздался смех, но дед Евсей встал и, подойдя ко мне, сказал:

— Теперь я своими впечатлениями делиться буду. Так вот, граждане, у нас здесь не Африка, и яблони у нас где попало не растут. А нынешней ночью мой сад обтрясли мальчишки, и мне вдобавок набили яблоком вот такого шишкаря.

Он снял шапку. Шишка была и впрямь здоровенная. Мне даже не поверилось, что это мог сделать маленький добрый Тишка. Но в зале снова раздался хохот, и дед Евсей сказал с обидой в голосе:

— Не вижу ничего смешного. Этим смехом вы поощряете хулиганство. К тому же мою собаку Черныша чем-то напугали так, что овчарка, за которую я заплатил двадцать рублей новыми деньгами,

дрожит как в лихорадке и не при-
трагивается даже к колбасе.

— Странно, — сказал со своего
места Сергей Васильевич. — Пусть
кто-нибудь скажет: забирались ли
школьники в чей-нибудь сад?

— Нет! — закричали из зала.

— А ведь никто, кроме вас, свой
сад не охраняет. И яблоки в других
садах не хуже ваших, Евсей Евсе-
вич. В чём же дело?

— За жадность наказан! — снова
крикнул кто-то из зала.

Сергей Васильевич встал и под-
нял руку, требуя тишины.

— Так вот, дорогие мои, — сказал
он. — Сегодня я впервые побывал
в саду Евсея Евсеича. Ничего не
скажешь — хороший сад. Но почему
Евсей Евсеич больше работает в
своём саду, а не в колхозном? В сво-
ём он расставил силки и ловушки
для мальчишек, опутал всё вокруг
колючей проволокой, завёл злуще-
го пса. Знаете, Евсей Евсеич, как это
называется у нас, советских людей?

— Не знаю и знать не хочу, —
буркнул дед Евсей.

— Пережиток прошлого, вот как.

— А яблони в чужом саду отря-
хать — не пережиток?

— Никто из ребят или взрослых
в ваш сад не забирался, — сказал
Сергей Васильевич. — Даю вам чест-
ное слово!

— Тогда, выходит, нечистая си-
ла! — крикнул дед Евсей.

— И не нечистая сила, — ответил
Сергей Васильевич. Он заглянул за
бархатный занавес и сказал: — Во-
лодя, выйди сюда.

Володька вышел на сцену. Тишка
сидел у него на плече. Все ахнули.
А дед Евсей как открыл от изумле-
ния рот, так и забыл закрыть его.

— А теперь, — сказал Сергей Ва-
сильевич, — послушаем лекцию Во-
лоди Петрова о происхождении че-
ловека.

Открылся занавес. Там, на сцене,
были развешаны таблицы и рисун-
ки. Володька, как заправский лек-
тор, взял в руку указку. Но тут дед
Евсей, догадавшись наконец обо
всём, сказал:

— Слушайте сами, а я пошёл. Вы
что ж, в самом деле, думаете, что
я от такой вот облизьяны произо-
шёл? Это только мальчишки от неё
происходят, которые по чужим са-
дам лазают.

Он нахлобучил на себя шапку и
уже собрался сойти со сцены, как
Тишка, заинтересованный чем-то,
спрыгнул с Володькиного плеча и
оказался на плече деда Евсея. Он
погладил шапку, потом бороду деда
Евсея и... обняв его, прижался своей
мордочкой к его щеке...

Все замерли.

Дед Евсей, скосив глаза, поглядел
на Тишку, потом погладил его и
удивлённо сказал:

— Ишь ты какой! А ведь ласко-
вый. Стало быть, за шишкаря про-
щения просишь?..

Он сунул руку в карман и вынул
крепкое, подрумяненное с одного
бока яблоко. Тишка немедленно
ухватился за него и снова оказался
на плече у Володьки.

— Ладно, — сказал Володьке дед
Евсей. — Давай свою лекцию как
есть по порядку.

И сел в первом ряду, устраиваясь, поудобнее на скрипучем стуле.

ТИШКА и сейчас живёт в Голубкове. Он ни разу ничем не болел и вроде бы совсем освоился с климатом Ленинградской области. Больше всего он любит морковку, конфеты «фруктовые», яблоки и орехи.

Дед Евсей снял колючую проволоку с забора и убрал все верёвки. Яблок у него в этом году народилось видимо-невидимо, и ребята помогали ему собирать урожай.

Недавно я, будучи в Бомбее, по-

лучил письмо из Голубкова. Володька писал:

«Обязательно, непременно доставь мне или купи попугая «Ара» и, если сможешь, щенка дикой собаки динго для выведения новой породы собак — голубковская гончая».

Я ответил ему, что динго в Индии не водятся, придётся подождать рейса в Австралию. А вообще, кажется, дело и впрямь кончится жирафой или крокодилом.

Жирафы в лесах Ленинградской области? Подумаешь!

Рис. П. Вискова

Светлана РОЗЕНФЕЛЬД

ВЕЛОСИПЕД

Мои родители решили,
Что мне уже немало лет,
И в день рождения купили
В подарок мне велосипед.
Его во двор я вынес утром
И важно прислонил к стене,
А он сиял звонком, как будто
Был рад, что он достался мне.
Но лишь успел за руль я

взяться,

Пришёл товарищ мой, Сергей,
Сказал, что хочет покататься
И, если можно, поскорей.
Потом пришла соседка Ольга
С сестрёнкой маленькой своей.
Они катались очень долго,
Но даже лучше, чем Сергей.
Потом пришёл кудрявый Федя
Из дома номер пятьдесят
И на моём велосипеде
Катался много раз подряд.

Но тут из тучи дождь закапал.

И нас позвали на обед.

— Ну как? — спросил

с улыбкой папа. —

Освоил ты велосипед?

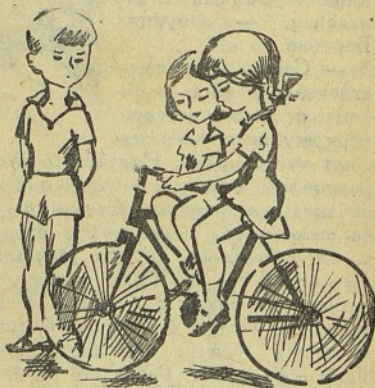
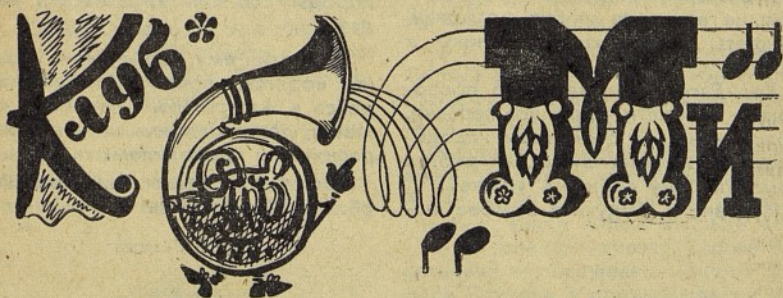

Рис. Ю. Лебедева

ДЕВЯТОЕ

— Прошу вас, дорогая родственница, — сказал Орган Флейте. — Ваше слово.

— Почему «родственница»? Объясните вы наконец, — забубнил Барабан.

— Сейчас объясню, — ответила Флейта. — Давайте вспомним детскую игрушку, которую называют «уйди-уйди». Надувается тугой резиновый шарик и к нему приспосабливается пищалка. Стенки шарика сжимаются, выдавливают воздух, и он заставляет звучать пищалку. Примерно так же были устроены и первые волынки. В большой мешок надували воздух и приспособляли к мешку дудочку или две дудочки наподобие флейт. Разве это не напоминает вам орган? Ведь каждая труба органа — это что-то наподобие флейты, издающей один-единственный звук. Во всяком случае свистковое устройство флейт послужило образцом для создателей органных труб.

— А что это за свистковое устройство? — полюбопытствовал кто-то.

— Оно очень напоминает простой полицейский свисток. Струя воздуха попадает на острый край свистка и рассекается. Та часть воздуха, которая попадает в корпус флейты,

выполняет роль смычка. Она возбуждает воздух в трубке, колеблет его.

— Значит, столб воздуха в трубке — это своеобразная воздушная струна? — заметила Арфа.

— Прекрасное сравнение! — воскликнула Флейта. — Так я и буду впредь называть столб воздуха внутри духовых инструментов.

— Но у нас, коллега, — заметил Кларнет, — вместо свистка — пластиночка, так называемая трость. Представьте себе, что вы сложили вместе два листа бумаги и подули между ними. Получится звук, потому что листы бумаги колеблются, дрожат. Примерно то же происходит и

с тростью деревянных духовых. А воздушная струна отвечает этому звуку.

— Всё это прекрасно, — заметил Альт. — Но ведь нужно иметь звуки разной высоты, чтобы создать мелодию. Хотел бы я знать, как это у вас получается?

— Примерно так же, как и у вас, — отозвалась Флейта. — Чтобы струна звучала выше, её звучащую часть нужно сделать меньше. Скрипачи, альтисты, виолончелисты ставят палец на струну, прижимая её к грифу. Ну, скажем, на середине струны. Струна становится как бы вдвое короче. И звучит от этого вдвое выше, потому что скорость её колебаний возрастает в два раза. А у нас воздушная струна. Её тоже можно уменьшить, например, вдвое. Для этого в корпусе флейты делают отверстие, причём точно посередине. Это всё равно что разрубить воздушную струну пополам. Теперь будет колебаться отрезок воздушной

струи от вдувного отверстия до того места, где просверлили дырочку.

— Значит, можно насверлить сколько угодно дырочек, — заявил Барабан. — И тогда у Флейты будет сколько угодно звуков.

— Не так всё это просто. Отверстия должны быть в строго определённых местах. Раньше их сверлили где попало, лишь бы пальцам музыканта было удобно дотягиваться до них. А когда установили, что у каждого из них должно быть своё место, оказалось, что пальцы музыканта не могут дотягиваться до некоторых отверстий. И тогда придумали замечательную вещь. Гениальную и простую. Рычажок с клапаном.

— Как? — не понял Барабан.

— Лучше я расскажу вам об этом историю, — сказала Флейта. — Простенький клапан стоит этого. С его появлением возможности Флейты невероятно расширились... Слушайте же.

КОРОЛЬ

Сначала была легенда о Крысолове. Одолели жители одного немецкого городка крысы. Отвратительные твари грозили полным опустошением — сжигали пищу, портили дома. Обнаглев, стали нападать и на людей. И не было с ними никакого

сладу. Вот тогда-то и появился Крысолов. Он обещал, правда за немалую награду, очистить город от крыс. Горожане согласились. Вынул тогда Крысолов дудочку в грош ценной и заиграл. Волшебное, наверное, заиграл. Потому что жители ничего такого в игре его не заметили, но крысы повывезли из своих грязных нор и обречённо поплелись следом за Крысоловом. А он привёл их к реке и утопил. Крысолов потребовал награду, но жители города отказались выдать ему обещанное. Видимо, лёгкой показалась им победа Крысолова. И тогда Крысолов снова заиг-

рал. На этот раз за ним потянулись дети. Повёл их волшебный флейтист за собой. И увёл из города. Куда?

— Сюда. — Так отвечали жители маленького города с большим названием Раттенфенгерштадт — город Крысолова. Сюда, на это самое

место, где стоит их зелёный городок. Все они считали себя потёмками тех самых, разумеется, выросших детей и именовались крысоловами. И не стыдились этого имени, ибо воспитал Крысолов первых жителей Раттенфенгерштадта честными и справедливыми в отличие от их родителей. Ну и, конечно, славились жители города Крысолова умением играть на флейте. Ежегодно в день, когда, по преданию, Крысолов привёл на это место детей, устраивался праздник. Великий праздник маленького города. Отовсюду съезжа-

лись на состязания флейтисты. Вот и на этот раз...

— Королём крысоловов объявляется Ганс Шютц! — торжественно провозгласил бургомистр Мориц Мюллер. — Гансу Шютцу, приезжему, гостю Раттенфенгерштадта, мы вручаем с низким поклоном серебряную флейту, ибо он второй раз подряд становится королём крысоловов.

Трое Справедливых — лучшие знатоки и ценители искусства игры на флейте — согласно закивали головами. Это было справедливо.

Ганс Шютц вскочил на помост, слегка поклонился жителям Раттенфенгерштадта, поглубже — Справедливым и бургомистру, приосанился и сказал:

— Вы честны и справедливы, жители города Крысолова. Это правда, что нет равного мне в искусстве игры на флейте ни в вашем городе, ни в Саксонии, ни в Шварцвальдских долинах, ни в Баварии. И мне очень нравятся инструменты, которые делает ваш искусный мастер.

Он взял серебряную флейту из рук Морица Мюллера и поднёс её к губам... Ах, как он играл! Кто разберёт, как он всё это делал!... Была у него, наверное, машинка какая-то внутри запрятана, которая с поразительной чёткостью управляла его пальцами, губами, языком. А сконструировал эту машинку не иначе как сам господь бог. Одно только позабыл великий и всемогущий — ря-

дом с машинкой поместить в крепком теле флейтиста нечто, именуемое душой. Впрочем, поражённые необыкновенной ловкостью виртуоза, раттенфенгерштадтцы преисполнились энтузиазма и шумно выражали своё одобрение. И только трое Справедливых молчали. Они понимали, что Шютц великий мастер, но не чувствовали в нём великого музыканта.

— Я вернусь к вам, крысоловы! — упоённый успехом, воскликнул Ганс Шютц. — Я стану королём флейты третий раз подряд. Готовьте золотую флейту. Ведь победившему трижды Крысолов завещал вручить золотую свирель. Не так ли записано в ваших старинных книгах?

И трое Справедливых молча кивнули головами в знак согласия.

А вечером, сняв свои красные церемониальные плащи, они собрались у бургомистра, чтобы обсудить случившееся. Позор! За два года в Раттенфенгерштадте не нашлось музыканта, достойного посоперничать с Шютцем.

— А что ваш сын, господин Мюллер, совсем забросил флейту? — внезапно спросил один из Справедливых.

— Не говорите, — махнул рукой Мюллер. — Вы помните его успехи? Уже в двенадцать лет он стал королём крысоловов. А потом... Рано повёз я его в путешествие. Он наслушался музыки Лассо, Палестрины. И, вернувшись, стал сочинять сам.

Стал писать для флейты, но такое, что никто не может исполнить. Даже сам он не в силах сыграть свои сочинения. Нет такого инструмента среди флейт наших мастеров, который был бы способен прозвучать так, как надо моему Теобальду. В прошлом году он обратился к Шютцу и предложил ему для исполнения своё Адажио и Аллегро. Шютц высмеял мальчика, заявив, что для исполнения этих пьес нужно иметь флейту не с шестью, а с двадцатью шестью отверстиями. «Так сделайте», — предложил ему Теобальд. На это Шютц ответил ему, что имеет, к сожалению, всего по пять пальцев на руке и не привык закрывать отверстия на флейте носом. Теобальд разозлился и сказал, что сам сделает флейту, на которой сыграет всё то, что сочинил. С тех пор я его узнать не могу. Молчит. Что-то мастерит, потом бросает и целыми днями неизвестно где бродит.

— В этом году он даже не появился на празднике Крысолова.

— Жаль, — проворчал один из Справедливых. — Не терял бы времени напрасну, мог бы принести славу Раттенфенгерштадту...

Теобальд Мюллер впервые после праздника Крысолова появился на улице. Он шёл по городу, озарённому солнцем. Шёл с предчувствием какой-то победы. Вот-вот должно было произойти то, чего он ждал целый год. Решение! Решение задачи. Сколько раз он ходил к лучшему городскому мастеру! Какие только расчёты они не делали! Сначала непременно удлинители ствол флейты. Пришлось игровые отверстия сверлить на таких далёких расстояниях, что больше двух отверстий сразу даже длинные пальцы Теобальда не могли прикрыть. Придумали изогнуть ствол флейты наподобие подковы. Теперь можно было просверлить десять отверстий, число звуков увеличилось, играть стало удобней. Но звук у флейты был препакоственный. Сам Крысолов ничего не сыграл бы на такой гадостной флейте. И снова Теобальд искал. Сделал раздвигающуюся флейту. Неудобно. Сделал двойную. Каждая из флейт звучала

по-своему, а должны были звучать, как одна... Где-то близко было решение. Близко. Но где?

Он не заметил, как дибрался до окраины города. Несколько аккуратных домиков стояло на отшибе. Здесь жили и работали зеркальщики. Теобальд не раз наблюдал за их работой: что-то плавилось в металлических тиглях, кипели какие-то загадочные растворы, к которым было опасно подходить близко. Ядовитые пары были смертельны. Не подходили к кипящим котлам и работники.

Вот и сейчас несколько подмастерьев стояли у приспособлений, похожих на колодезный журавль. К дальним концам этих своеобразных удочек были прикреплены крышки котлов, стоящих на огне. Находясь на почтительном расстоянии от опасного варева, подмастерья по команде мастера, державшего в руках песочные часы, нажали на рычаги, крышки поднялись, и из котлов повалил синий едкий дым.

Теобальд наблюдал за этой сценой. «Вот пять подмастерьев, — рассеянно размышлял он. — Ни о чём не думают. Их дело только нажимать рычаги. Всему голова — мастер. Мастер — голова, подмастерья — руки. Пять рук... Нет, правильнее пять пальцев... Пальцы! Как у флейтиста. Пальцы, нажимающие на рычаги. Им, «пальцам», совсем не обязательно находиться близко у котлов, для того чтобы вовремя открывать крышки. И пальцам флейтиста совсем не обязательно самим ложиться на отверстия. Достаточно...» Теобальд остановился как вкопанный, а затем сорвался с места и помчался к мастеру...

Прошёл год, и снова Раттенфенгерштадт празднует день Крысолова. Народу видимо-невидимо. Ещё был! Снова приехал Ганс Шютц, не скрывающий своего намерения увезти золотую флейту. Под звон набата в красных ритуальных плащах выходят трое Справедливых. Впереди — бургомистр Мориц Мюллер. Он несёт на бархатной подушке, как монаршью корону, золотую флейту. И началось...

Вот уже около трёх десятков флейтистов показали своё искусство. И было ясно, что им доведётся смотреть на золотую флейту только издали. Наконец вышел Ганс Шютц. Он заиграл. Да, всё было как прежде. Только пассажи были ещё головоломней, трели ещё быстрее, украшения ещё затейливей. Крики восторга захлестнули всю площадь, когда он кончил играть. Шютц ответил три поклона: Справедливым, слушателям, и третий поклон — Теобальду, поднимавшемуся на помост. Третий поклон был полон иронии.

Снова тишина. Теобальд достал свою флейту, и в толпе пробежал лёгкий шумок. Флейта Теобальда была намного длиннее обычной и оснащена какими-то металлическими приспособлениями. Крысоловы, знавшие толк в инструментах, никогда таких не видели. Кое-где раздались смешки и иронические выкрики. Теобальд, казалось, не слышал ничего. Он поднял флейту.

И она заговорила. Нет, это заговорила не флейта. Это вели страстный диалог два голоса — высокий и низкий. Наверное, юноша и девушка. Они говорили о чём-то понятном

и близком всем, кто слушал их сейчас. И флейтиста не стало. Он исчез. Пропал. Растаял в воздухе, и всё. Его никто не видел и не замечал. Была только музыка. Когда играл Шютц, толпа словно превратилась в большое ухо, боящееся пропустить хотя бы одну блестящую ноту. А сейчас толпа словно превратилась в одно большое сердце, бившееся в ритме музыки. И когда Теобальд закончил играть, над площадью ещё некоторое время стояла тишина. И только потом толпа взорвалась восторгом.

Шютц выскочил на помост.

— Это обман! — закричал он. — Справедливые! Будьте справедливы! Он играл на какой-то необыкновенной флейте. Пусть сыграет так же на моей. Я же берусь сыграть на его флейте, не хуже, чем он.

— На твоей флейте я мог бы играть так, как ты, — ответил Теобальд. — Но не хочу. Моя флейта — часть моей музыки. Я придумывал её, как музыку сочинял.

— Это болтовня! — кричал Шютц. — Представьте себе, Справедливые, что мы на поединке, и ему дали шпагу вдвое длиннее моей.

Справедливые молчали. Толпа тоже. Справедливые поднялись. Три красных плаща мелькнули и скрылись в часовне.

Долго ждали их крысоловы. Наконец справедливые появились.

— Королём крысоловов объявляется Ганс Шютц, — мрачно объявил один из них.

— С низким поклоном мы вручаем ему золотую флейту, — провозгласил побледневший Мориц Мюллер, провожая глазами сына, спрыгнувшего с помоста.

В ответ раздался рёв толпы. Мориц Мюллер под свист и улюлюканье медленно пошёл навстречу Гансу Шютцу и вручил ему золотую флейту. Шютц рассеянно поклонился. Он тоже искал кого-то взглядом. И вдруг сорвался с места и рассекая толпу помчался следом за уходившим Теобальдом.

Они обменялись несколькими фразами, которых никто не слышал. Затем все увидели, как Теобальд с улыбкой протянул свою флейту Шютцу, а тот, поспешно схватив её, сунул юноше свою золотую. Затем Шютц поспешно, не оглядываясь, пошёл к своей весьма приличной карете, запряжённой весьма приличными лошадьми и уехал. А Теобальд вернулся, взобрался на помост и, показав изумлённой толпе золотую флейту, крикнул:

— Королей больше нет. Да здравствует музыка!

Толпа ответила ему дружным криком. А Теобальд спрыгнул с помоста, разыскал в толпе мастера, который помог ему изготовить флейту с клапанами, и втащил его на по-

мост. Он вручил смущённому старику золотую флейту и спросил:

— Верно ли я поступаю, Справедливые?

И Справедливые дружно ответили:

— Верно и справедливо.

— Вот так-то, — закончила свой рассказ Флейта. — Музыку создают люди самых разных музыкальных профессий. Исполнители становятся изобретателями. Мы не всегда знаем их имена. Кто и когда, например, изобрёл колесо, люди не помнят. Но колесо существует, и люди благодарны безымянному изобретателю. Вполне возможно, что и клапан с рычажком изобрёл не один человек, а сразу во многих странах разные мастера, и среди них не было человека по имени Теобальд Мюллер. Но несомненно, что совершенствуют инструменты те люди, которые хотят не славы «короля» музыкантов, не золотую флейту, а просто беззаветно любят музыку.

— Вы правы, дорогая Флейта, — согласился Орган. — Ваши выступления достойно представили славное племя деревянных духовых инструментов. Как вы считаете, коллеги Кларнет, Гобой и Фагот?

— Несомненно, — подтвердил Кларнет. — Флейта — самая старшая из нас и по праву выступила от нашего имени.

— В таком случае поздравляю всё семейство деревянных духовых с принятием в клуб МИ. Очередь за вами, звонкие трубы.

— Мы готовы! — прозвучали фанфары.

— И мы готовы вас выслушать. Но... в следующий раз.

Рис. В. Адаева

Ленинград — довольно молодой город: ему идёт всего лишь третий век. Поэтому раньше его не раз сравнивали с другими красивыми, но старшими братьями и давали пышные названия: Северная Венеция, Северная Пальмира. В наши дни говорят поскромнее, но всё равно красиво: город на Неве, город каналов, город на сто одном острове. А сказать по правде, так жители Ленинграда не всегда и замечают, что живут на островах. Почему?

Попробуй вообразить себе такую картину. В один прекрасный день... Нет! Днём, тем более прекрасным, такое ужасное событие произойти не могло бы. Представь себе тёмную осеннюю ночь. С Финского залива дует сильный ветер, останавливает Неву, грозит городу наводнением. Из низких косматых туч обрушиваются потоки дождя, на про-

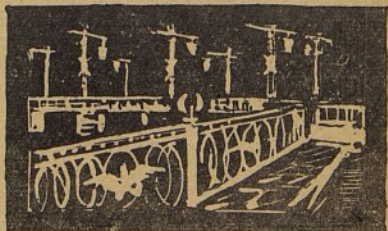
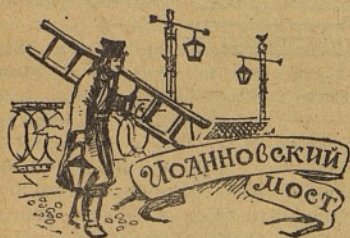
дах раскачиваются фонари, тревожно скрежещут железные уличные знаки. Представь себе, что в такую ночь к городу подошёл великан. Совершенно гигантского роста. И притом великан-коллекционер. Да не простой какой-нибудь собиратель фантиков, значков или марок, а коллекционер мостов! Просунул он сквозь тучи голову, склонился к земле и — будто гром прогремел! — рассмеялся от радости. Ещё бы! Такое количество мостов, да к тому же в одном месте, почти нигде не сыщешь. Взял великан и сложил в свой большой коллекционный мешок все ленинградские мосты.

Что бы случилось утром?

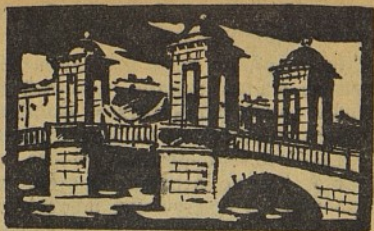
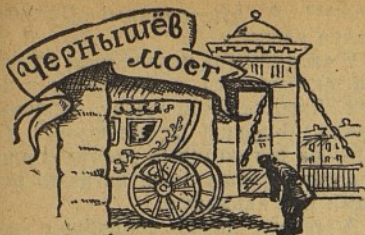
Как ты догадываешься, случился бы совершенно немыслимый переполох. У Невы и перед Мойкой, вдоль Карповки и Крюкова канала, между всеми Невками — Большой, Средней и Малой — замерли бы машины и троллейбусы, автобусы и трамваи. Все, кто торопится на работу, в школу или просто так пройтись, остановились бы. И тут все бы поняли, что живут они в городе на сто одном острове, в городе каналов. В городе, где...

...ПОЧТИ 400 МОСТОВ

Какие же они, спросишь ты, эти четырёхста мостов? Если я отвечу тебе одним словом «разные», то ничего не скажу, хотя и буду прав. Ленинградские мосты очень разные. Есть такие узенькие, что едва-едва разминутся на них два пешехода, а уж толстяки непременно заденут друг друга. Другие же настолько широки, что не сразу поймёшь, мост это или площадь. На самом

широком мосту — Синем — можно было бы бегать стометровку, будь он всего лишь на метр пошире.

Построены мосты из разного материала: есть целиком из камня, есть металлические, есть бетонные, есть и деревянные, но их с каждым годом становится всё меньше. И укреплены над реками и каналами мосты по-разному. Одни стоят на прочных каменных быках, другие — на сваях, третьи повисли на крепких металлических прутьях.

Но самое замечательное — это облик ленинградских мостов. Редко когда у них повторится рисунок решётки перил. То металлическая ограда — совсем как плетень в деревне, то вдруг переплетение колец или совсем затайливый узор — русалки, морские коньки, скрещенные мечи, оскалившиеся головы львов, старинный герб Петербурга.

А фонари на мостах! Одни взметнулись вверх на прямых колоннах, другие свисают с кончиков стрел, пробивших каменные столбы. Если приглядеться к некоторым старым фонарям, то можно увидеть, что донца у них с ножками. Остались они от тех времен, когда по улицам ходили люди странной в наши дни профессии — фонарики. Их обязательной принадлежностью была лестница. Чтобы вечером зажечь или утром погасить свет, фонарикам приходилось подниматься по лестнице, приставив её к фонарному столбу. Сняв фонарь, они ставили его на землю, которая по погоде могла быть сплошной лужей или замедена снегом. Вот откуда у фонаря ножки.

Разные мосты в Ленинграде. Но неужели нет похожих друг на друга? Оказывается, есть.

В конце XVIII века подрядчик Крюков руководил строительством канала, который до сих пор носит его имя. Канал соединил реку Фонтанку с Екатерининским каналом и Мойкой. Так вот, через Крюков канал было перекинута шесть однотипных мостов. От этих шести близнецов до нас дошли только два: Торговый и Матвеевский.

И на Фонтанке были однотипные мосты. И от них остались тоже только два близнеца — Чернышёв и Старо-Калинкин. Увидишь раз эти мосты и запомнишь навсегда: трёхпролётные, с четырьмя каменными башенками посередине и свисающими из башенок тяжёлыми цепями.

Есть похожие мосты и через канал Грибоедова. Их даже не называют мостами, а ласково — мостиками, такие они изящные и лёгкие. И тот и другой — Львиный и Банковский — висят на металлических тросах, концы которых как бы удерживают в пастях сидящие по краям мостов львы и грифоны.

Вот только нет в Ленинграде ни одного моста, который был бы ровесником городу. Это и невозможно. Ведь первый городской мост был построен куда позднее закладки Петропавловской крепости, а день её основания — 15 мая 1703 года — считается днём рождения Ленинграда.

Время тогда было суровое, шла Северная война. Будущей столице угрожал сильный ещё враг. Крепость должна была быть неприступной, поэтому восемь лет она сообщалась со строящимся городом только по воде. И лишь после побед российского оружия, когда угроза Петербургу ослабла, через Крон-

веркский пролив был переброшен мост — Иоанновский.

Посмотри на него. Он единственный из малых мостов, который освещён таким количеством фонарей. Красивый мост, но он уже потомок первого петербургского моста. И этот и другие десятки мостов, построенные в следующие шестьдесят лет, были деревянными. А дерево, к сожалению, недолговечно.

СЛЕДЫ ИСЧЕЗНУВШИХ МОСТОВ

Как выглядели не сохранившиеся мосты Петербурга? Тут нам может помочь только старинный рисунок или гравюра.

Возьмём, к примеру, Менделеевскую линию. Сейчас это широкая асфальтированная улица. А вот рисунок, сделанный двести с лишним лет назад. Вдоль длинного здания двенадцати коллегий — будущего университета — тянется канавка. Вдали виден деревянный мостик. Ближе к пологому, ещё не одетому в камень берегу Невы — второй. Через него идут люди в кафтанах, лошади тянут карету с вельможей. Вглядываешься в рисунок — ничего особенного. Очень невидные мостики. Сейчас даже в далёких уголках нашей страны можно увидеть куда более впечатляющие. Но не забывай, дружок, — мы живём два века спустя.

Многие мосты исчезли бесследно. Как говорится, даже намёка не осталось. Впрочем, постой. Иногда намёк остался. Вот Межевой канал. Шкиперский проток. Не правда ли, так и хочется перекинуть через них

мосты? А это — улицы! Давным-давно улицы.

С «водяными» названиями просто. Но, оказывается, были мосты и через Лиговский проспект, Красную улицу, бульвар Профсоюзов... Все они, да и некоторые другие ленинградские улицы были когда-то речками или каналами.

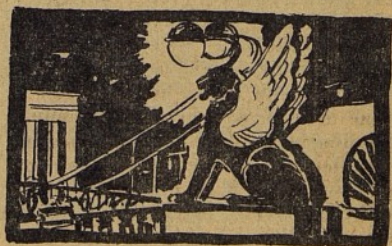
А теперь давай попробуем отыскать зримые следы петербургских мостов.

Если тебе доведётся идти по некоторым набережным, посмотри, так ли ровны берега? Нет ли каких-нибудь нарушений в подогнанных глыбах гранита? Будь внимательней, дружок, будь внимательней!

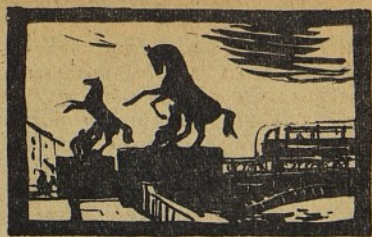
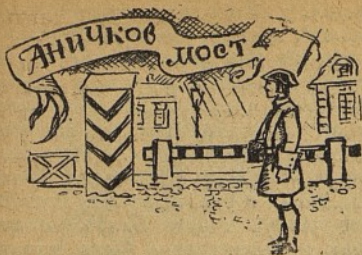
Вот ты пошёл от Невы по Фонтанке. Ещё от Прачечного моста из-за вершин деревьев Летнего сада виден золотой шпиль Михайловского замка. Построен он архитекторами Бренна и Баженовым для неудачливого царя Павла I. Сорок лет ждал он власти, правил Россией четыре года, а во дворце, построенном для него, прожил всего сорок дней. Подступы ко всем дворцам, где он жил, и в Петербурге, и в Гатчине, и в Павловске, строго охранялись. А Михайловский замок особенно.

Это был замок на острове. С севера и востока его окружали Мойка и Фонтанка, с юга и запада — специально прорытые каналы. Через них были подъёмные мосты. В будках у въездов неусыпно дежурили часовые. С суши замок соединялся тайными подземными ходами. Но ничто не спасло императора. Однажды ночью он был убит в своей спальне.

Ни один из последующих царей не рискнул жить в Михайловском замке. Сначала замок пустовал, по-

том там был архив, а с 1819 года разместились военная инженерная школа. Дворец после этого получил своё второе имя — Инженерный замок. Окружавшие его с двух сторон каналы были засыпаны, но...

Если ты будешь идти вниз по Фонтанке, то за мостом Пестеля взгляни на противоположный берег. Там, у самого Инженерного замка, в гранитной стене набережной ты увидишь как бы железный рисунок моста. Здесь-то и сливался опоясывавший Михайловский замок канал.

Если любишь прогулки, иди дальше по течению. Однако сначала оглянись на мост Пестеля. По нему часто хаживал в Летний сад Александр Сергеевич Пушкин, когда снимал неподалёку отсюда квартиру.

Ты идёшь дальше. Сначала минувешь мост Белинского, затем поневоле остановишься у знаменитого Аничкова моста. Нельзя лишний раз не полюбоваться четырьмя скульптурными группами, вылепленными и отлитыми ваятелем Клодтом. С 1841 года они простояли ровно сто лет. Осенью военного 1941 года ленинградцы укрыли их в земле Сада отдыха. Но как только была снята блокада Ленинграда, вновь стали по четырём углам моста фигуры людей, укрощающих дикого коня.

Расставшись с Аничковым мостом, ты подойдёшь к Чернышёву. Мы уже говорили о нём, но ты взгляни и на башенки, и на праздно свисающие цепи, и на фигурки сказочных лошадей, поддерживающих фонари...

Дальше ты минувешь малоприметные мосты — Лештуков, Семёновский, Горсткий, Обуховский, пройдёшь Измайловский — и сразу уви-

дишь выходящие в реку с той и с другой стороны два облицованных гранитом выступа. С первого взгляда ясно, что выступы — бывшие основания моста. Верно. Так оно и было. Этот довольно неуклюжий трамвайный мост существовал ещё лет двадцать назад. Его железные клёпаные фермы выглядели тяжело и как-то несуразно, а трамвайный поворот с Измайловского проспекта затруднял движение по берегу Фонтанки. Поэтому решено было разобрать мост на металлолом.

Такие же примеры можно увидеть и на Неве. Разглядеть только сложнее. Во-первых, река шире, а во-вторых, здесь на набережной перед Медным всадником сделаны разные спуски к воде, стоят бронзовые вазы. Но на другой стороне Невы след виден отлично. Университетская набережная в этом месте приподнята, а прямизна гранитного парапета нарушена выступом.

Здесь был мост, подобных которому сейчас в Ленинграде нет. Это Исаакиевский наплавной мост, летний. Его проезжая часть укреплялась на баржах, стоявших на якорах. Кроме Исаакиевского, были и другие — такие мосты — Троицкий, Воскресенский. Если вместо Троицкого мы видим теперь один из самых красивых и длинных мостов Ленинграда — Кировский, то где был Воскресенский — загадка. Её решить сложно, давай-ка попробуем вместе.

Для начала выйдем на проспект Чернышевского и подойдём к Неве.

— Ну и что? — скажешь ты, — никаких следов.

Но будь внимательней, дружок, будь внимательней. Взгляни на ту,

Выборгскую сторону. Улица, которая видна за Невой, как бы служит продолжением проспекта Чернышевского. Но ведь редко бывает, чтобы улицы одного берега равняли по улицам другого. На каждом берегу по-своему планируют расстановку домов и прокладку улиц. Почему же здесь так? Всё станет ясно, если я скажу тебе, что улица на Выборгской стороне называется Воскресенской, а проспект Чернышевского прежде был Воскресенским. Думаю, теперь тебе совсем нетрудно соединить улицу и проспект мостом с тем же названием.

Найти следы исчезнувших мостов нам помогли выступы набережных, названия улиц. Но иногда и мосты помогают своими названиями разобраться в прошлом.

КЛЮЧИ К ПРОШЛОМУ

Возьмём, к примеру, Театральный мост. Находится он в том месте, где канал Грибоедова соединяется с Мойкой. Встань на мост и оглянись. Нигде поблизости ни одного театра. Откуда же у моста такое имя?

Оказывается, в XVIII веке на Марсовом поле, неподалёку от Мойки, стоял деревянный театр. В нём, кстати, впервые была показана комедия Фонвизина «Недоросль». Для удобства подъезда к нему был сделан мост и назван Театральным. По приказу Павла I здание театра было снесено в одну ночь: оно мешало любимой царской забаве — парадом гвардейских полков. Больше полутора веков нет театра, но мост до сих пор напоминает нам о нём.

А вот ещё один мост. Он тоже хранит в своём названии память о

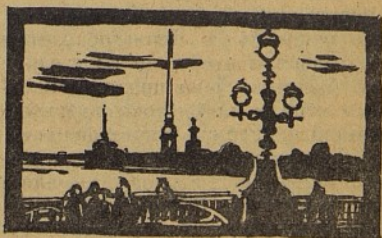
прошлом. Но память недобрую — о тесноте, грязи и бедности заводской окраины. Это пешеходный мостик через Обводный канал у завода «Красный треугольник». Называется он Таракановским по зловонной речонке Таракановке. Протекала она от Фонтанки, пересекала Обводный канал и уходила через территорию завода к реке Екатерингофке. Вода в Таракановке была жуткой, берега — сплошной помойкой. В 1927 году речка была засыпана, а на её месте сделан бульвар.

В наши дни на улице Циолковского шумят могучие тополя. Идущие по Нарвской площади люди не догадываются, что идут над бывшим руслом. И только имя маленького моста, да ещё арка, соединяющая заводские корпуса над бывшей Таракановкой, напоминают нам о горьком позавчерашнем дне рабочего района.

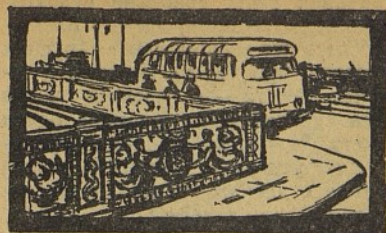
КАК, КОГДА И ПОЧЕМУ

А как рождались названия ленинградских мостов?

Пока их было мало, они были безымянными. С годами их становилось больше. Возникла потребность их различать, потому что они не только соединяли части города, но и помогали ориентироваться, указывать место жительства. Для различия деревянные мосты стали раскрашивать в разные цвета. Такие «цветные» названия сохранились у мостов через Мойку. Самый широкий в Европе мост называется Синим. Следующий по направлению к Невскому проспекту — Красным, а Народный мост на Невском проспекте некоторое время именовался Зелёным.

Попробуй теперь догадаться, откуда пошли такие названия: Гренадерский, Измайловский, Семёновский, Казачий?

Не правда ли, это перечисление похоже на репортаж о военном параде двухсотлетней давности? У тех, кто любит и знает историю, эти названия вызывают в памяти плотные ряды гвардейцев в разноцветных мундирах, с тяжёлыми старинными ружьями, колышавший строй всадников с пиками наперевес...

Петербург был военной столицей. Гвардейские полки располагались в разных частях города. И, как ты догадываешься, строящиеся поблизости мосты и прокладываемые улицы получили от этих полков названия. А Казачий полк, стоявший у Невы, на Обводном канале дал названия даже двум мостам — Казачьему и Атаманскому.

Подобно «полковым» мостам именовались и другие. Так, Литейный обязан названием Литейному двору, где ещё при Петре I отливали пушки. Банковский мостик на канале Грибоедова именовался по расположенному рядом Ассигнационному банку, а соседний Мучной ведёт название от мучных лабазов, что стояли на левом берегу канала.

Иногда таким образом получалось несколько названий. Мосты в районе Никольского морского собора зовутся Старо- и Ново-Никольскими. А от бывшей деревни Калинны в низовье Фонтанки родились названия трёх мостов: Старо-, Ново- и Мало-Калинкины. Два из них расположены близко друг от друга. А вот Ново-Калинкин по соседству не найдёшь — он в двух трамвайных остановках, на Обводном канале. Ещё

труднее найти Ново-Каменный мост, если предположить, что он должен быть где-то вблизи от Каменного — одного из самых первых недеревянных. Тут уж я не скажу тебе: будь внимательней, дружок. Тут внимательность не поможет, потому что расстояние между ними велико, и повисли они над разными каналами. Каменный — над каналом Грибоедова, а Ново-Каменный — над Обводным.

Давали имена мостам улицы и проспекты. Так возникли мосты Торговый и Подъяческий, Шлиссельбургский и Боровой, Вознесенский и Итальянский. А один мост получил название от площади — Сенной. Давно уже это площадь Мира, о торговле сеном на ней забыто, а в названии горбатого мостика — отметинка прошлого.

Мосты сохраняют память и о людях, которые вели строительство каналов, мостов и других сооружений. Это — Пикалов через канал Грибоедова, Тучков через Малую Неву, один из самых старых — Обуховский через Фонтанку.

Кстати, этот мост не поддавался переименованию. Так как он стоит в начале Московского проспекта, бывшей дороги, ведшей в Саарское село (потом Царское, а теперь город Пушкин), то велено было именовать мост Саарским. За двести лет существования мост не раз менял облик: сначала был деревянным, затем, подобно Чернышёву, каменным с башенками и, наконец, приобрёл нынешний железобетонный облик. Но вот имя своё за двести лет он так и не переименовал.

Интересно, что прежний деревянный мост не был разводным, хотя

Фонтанка была довольно судоходной рекой. Для пропуска кораблей — а тогда даже у барж была парусная оснастка, про другие корабли и говорить нечего — в середине моста была сделана щель шириной почти в метр. Ночью по Фонтанке проходили парусники, а днём щель закладывалась досками и по Обуховскому громыхали телеги.

О некоторых названиях мостов существуют неправильные представления. Вот, скажем, Поцелуев мост. Одни утверждают, что он был местом свидания влюблённых, другие уверены, что здесь прощались с родными рекруты, уходя на двадцать пять лет в солдаты, третьи говорят, что на мосту была городская застава и тут происходили проводы и встречи. Но не правы ни те, ни другие, ни третьи. Здесь, у моста, на углу Мойки и улицы Глинки, был в своё время трактир, носивший вывеску «Поцелуй».

Есть неверное мнение об Аничковом мосте. Кое-кто думает, что название мост получил от дворца, якобы принадлежавшего семейству графов Аничковых. Но нет. Мост дал название дворцу, а сам стал именоваться по названию слободы, построенной рабочим батальоном под командованием подполковника Аничкова.

Получали названия мосты и от фамилий людей, живших по соседству. Таково происхождение названий мостов Горсткина, Борисова, Храповицкого, Демидова, Чернышёва, Геслеровского. Но не по всем таким названиям восстановишь истинную фамилию. Непривычные для уха фамилии иностранцев русские люди переделывали на свой лад. Взять хотя бы Лештуков мост. Им-

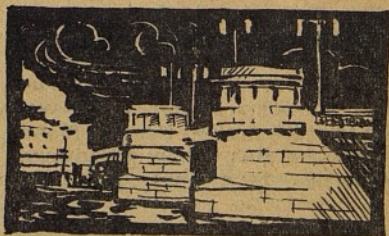
ператрицей Елизаветой Петровной лейб-медику Лестоку был пожалован участок земли на левом берегу Фонтанки. Проложенный здесь переулочек, а затем и построенный мост в конце переулка были названы по имени лейб-медики. Но имя оказалось неудобным для произношения. В итоге даже на планах города возникли Лештуков переулок, Лештуков мост. А фамилия некоего Адарчанина осталась в названии моста через канал Грибоедова тоже изменённой — Аларчин.

Надо сказать, что ленинградские мосты переименовывались гораздо реже, чем проспекты или улицы. Если мост и менял название, то один, самое большее два раза. Вот, например, мост Пестеля. При Пушкине он назывался Цепным, позднее — Пантелеймоновским. Многие мосты сохранили имена, данные им при рождении.

Значительное число переименований произошло после революции. Получилось это потому, что уж больно ненавистны народу были такие названия, как Тюремный, Николаевский, Полицейский.

По Тюремному мосту был подъезд к одной из самых жестоких петербургских тюрем — Литовскому замку. В февральские дни 1917 года восставшие рабочие и солдаты пошли на приступ замка. После освобождения политических заключённых он был сожжён. Теперь на месте тюрьмы стоят жилые дома, а мост носит имя революционера Матвеева.

Получил новое имя и Николаевский мост, у которого в октябрьскую ночь 1917 года стоял с наведёнными на Зимний дворец пушками крейсер «Аврора». Переименован мост

в честь героя первой русской революции — офицера флота Петра Шмидта.

Долго звался Полицейским мост через Мойку по Невскому проспекту. Здесь, на углу реки и проспекта, стоял дом петербургского полицмейстера. Революция стёрла и это название. Ныне мост именуется Нардным.

Забыты и другие старые названия, зато теперь мы знаем мосты — Свободы и Строителей, Комсомольский и Красногвардейский, Краснооктябрьский и Пионерский. После гибели Сергея Мироновича Кирова имя его было дано одному из лучших мостов города — Троицкому.

Но ленинградцы не просто переименовывали старые мосты, они реставрировали их, строили взамен многих новые. Сейчас можно по пальцам пересчитать деревянные мосты среди больших многопролётных. А перестроенные мосты Свободы, Строителей, Тучков, Ушаковский не только соединяют берега, но и дополняют своим обликом красоту города.

На Неве, на Большой Неве давно нет ни свайных деревянных, ни понтонных мостов. За годы Советской власти возникли мост Володарского, а совсем недавно мост Александра Невского. На Фонтанке через пятьдесят лет был восстановлен рухнувший под копытами эскадрона Конногвардейского полка Египетский мост. В 1969 году вновь пошли люди по пешеходному Коломенскому мосту через канал Грибоедова.

И все эти мосты несут в себе что-то новое.

Мост Александра Невского — просторный, современный — сделан так, что встречные машины, въезжая на мост или съезжая с него, нигде не пересекут друг другу пути. Это безопасно, и автомобили могут ехать всё время быстро.

Египетский мост — новый, непохожий на прежний, он шире, его не разделяют шедшие когда-то посредине проезжей части перила. Нет въездных арок... Но по-прежнему мост — Египетский. Его чугунныеobelisks — фонари и решётка парапета украшены египетским орнаментом, и, как встарь, въезды охраняют четыре загадочных сфинкса.

Казалось бы, что особенного в новом Коломенском мосту? Узкий, с простой решёткой. А оказывается, таких мостов в Ленинграде ещё не было. Он повис над каналом Грибоедова на лёгких, но очень прочных цельносварных алюминиевых трубах.

В Ленинграде будут строиться новые мосты. Предполагается прокладка нового Обводного канала, южнее существующего. Естественно, что его берега будут соединяться мостами. Возможно, когда-нибудь осуществится постройка моста-дамбы через Финский залив, которая будет предохранять город от наводнений.

Ленинградцы берегут свои мосты, которые несут незаметную, но очень важную службу. Да иначе, наверное, и нельзя. Ведь в мостах есть что-то мирное и дружелюбное, как рукопожатие.

Исторические ЗВЕРИ

Очень много поэм, повестей, стихов
про людей отдалённых лет.
А про их коней, собак, петухов —
ничего-то почти и нет!

Неизвестно мне про цепного пса,
что сусанинский двор стерёг.
Он, наверное, лаял — и полчаса
не пускал врагов на порог.

Неизвестно мне про того кота,
что мурлыкал царю Петру.
...В низкой горенке — сумрак
и теплота,
бой со шведами — поутру.

Неизвестно мне про того гуся,
чьим пером написан «Салтан».
Как солидно, важно себя неся,
гусь по снегу переступал!

Ну, а конь — как звали того коня,
был он белый или гнедой, —
на котором скакал не знавший
меня
красный конник, мой дед родной?

Я хочу про них стихи написать:
про собак, гусей, лошадей.
И никак не пойму, почему опять
получается — про людей?

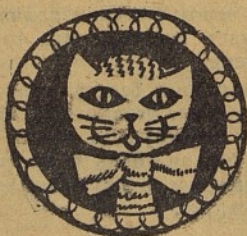

Рис. Ю. Лебедева

Вот ведь что случилось!

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— Почему ты дрался с Вилли Брауном? Он гадкий мальчишка! Больше не смей этого делать.

— Больше не буду. Теперь-то я знаю, что он сильнее меня.

На речке один из мальчигов провалился под лёд.

— Скорее! Спасите его скорее! — кричит другой. — У него же мои коньки!

К врачу приходит мальчик:

— Доктор у меня болит живот.

— А что ты вчера ел?

— Неспелые груши.

— О, тогда я пропишу тебе лекарство для глаз.

— Почему для глаз?

— Чтобы в следующий раз-ты лучше смотрел, что ешь.

— Билли, хватит есть торт! Ты слишком мал, чтобы есть так много.

— Не думай, мама, я внутри не такой маленький, как снаружи.

СМЕЯ- ДЛ Я ВСЕХ

— Что ты делаешь, Пит?

— Пишу письмо.

— А что ты делал десять минут тому назад?

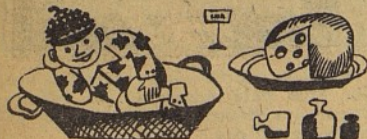
— Делал уроки.

— А что ты будешь делать через двадцать минут?

— Дам тебе по шее, если ты не перестанешь приставать с глупыми вопросами?

— Послушай, сын, я не разрешаю, чтобы Джек приходил к нам. Он плохой и невоспитанный мальчик.

— Хорошо, мама. А можно я буду ходить к нему? Я ведь воспитанный!

— Бобби, смотри, что ты сделал со своей новенькой курткой?! Она вся в дырках!

— Мы, мама, играли в магазин, и я был швейцарским сыром.

Мальчик и девочка наблюдают в зоологическом саду за черепахой.

— Как она медленно ползает, — вздыхает мальчик.

— Вот глупый! — покровительственно говорит девочка. — Она потому и называется черепахой!

— Сколько у тебя сестёр и братьев? — спрашивает учитель новичка.

— Четверо, месье.

— И ты самый старший?

— Нет, месье.

— А кто же?

— Самый старший у нас дедушка.

Дедушка возвращается с внуком из зоосада.

— Ну, как тебе понравился слон?

— По-моему, дедушка, кенгуру и слон должны бы поменяться хвостами...

Перевела и обработала
П. ДЛУГОЛЕНСКАЯ

САМАЯ большой вулкан на Земле находится в Мексике. Это вулкан Попокатепетль, кратер которого в окружности равен 4 километрам, а высота почти 5,5 километра.

САМАЯ крупный в мире алмаз был найден в 1905 году в Южной Африке. Вес этого алмаза 3024 карата (один карат равен 0,2 грамма).

КРИСТАЛЛ
ГОРНОГО
ХРУСТАЛЯ

70
ТОНН

САМАЯ крупный кристалл горного хрусталя был найден в Казахстане и весил 70 тонн.

САМАЯ глубокая в мире буровая скважина имеет глубину 7724 метра. Пробурена эта скважина в США, в штате Техас.

САМАЯ крупный из известных человеку самородков золота — это гигантский самородок «Плита Холтермана», весивший 260 килограммов. К сожалению, самородок был пущен в переплавку и безвозвратно потерян для науки.

С
Ю

РУБИН
2

АЛМАЗ
1

САПФИР
3

Ю

САМАЯ ценными в ювелирном отношении из драгоценных камней считаются алмазы, на втором месте находятся рубины, на третьем — сапфиры.

САМАЯ большая глыба малахита была обнаружена в 1836 году на Меднорудянском месторождении Среднего Урала. Глыба весила 250 тонн.

САМАЯ большая глубина, с которой люди берут питьевую воду, достигает 2138 метров. Это глубина одной из артезианских скважин в Австралии.

ПИТЬЕВАЯ
ВОДА

С ГЛУБИНЫ
2138 м

САМАЯ прочный в мире отделочный мрамор добывается в СССР на дальневосточном Ханкайском месторождении.

САМАЯ большой самородок серебра, обнаруженный человеком, имел вес 13,5 тонны.

САМЫЕ первые артезианские колодцы были сооружены в XII веке во французской провинции Артуа, от имени которой они и получили свое название.

НЕФТЬ

НА
ГЛУБИНЕ
6879 м

САМАЯ большая глубина, на которой находили нефть, равна 6879 метрам.

САМАЯ протяженная трещина, образовавшаяся в результате землетрясения, возникла в 1957 году в Монголии. Длина этой трещины 700 километров.

ВЕРГАЛС
ВУЛКАН

ИЗВЕРГАЛС
128 РАЗ

САМАЯ беспокойным является вулкан Этна, распложенный на острове Сицилия в Италии. За 3500 лет он извергался 128 раз.

СПАСУТ ЛИ БАШНЮ?

Проблема памятника архитектуры — знаменитой падающей башни в итальянском городе Пизе волнует многих специалистов-строителей. Сейчас отклонение её от вертикали на высоте 54,5 метра составляет 5,18 метра.

За последние годы в комиссию по спасению башни поступило свыше 1300 проектов, но ни один из них пока не принят.

Вопросам спасения Пизанской башни посвящена дипломная работа советского строителя — заочника Алтайского политехнического института Е. Страздина. Советские специалисты высоко оценили проект Страздина, признали его оригинальным. Он отправлен в Италию.

«ЗОЛОТАЯ СОБАКА»

Так называли горняки приска имени Горького на Колыме найденный ими самородок золота. Он выделяется среди других удивительной причудливостью формы. Находка представляет как бы «скульптуру» охотничьей гончей, созданную суровой северной природой. Самородок весит 300 граммов.

ЗЛОЙ «ВОРОНИЙ ГЛАЗ»

Беспечного в лесу подстерегает немало опасностей. Некоторые растения, а особенно их корневища — ядовиты.

На одиноком до полуметра высотой прямом стебле несколько выше крупных листьев призывно гнездится единственная чёрно-синяя ягода, напоминающая блестящий глаз большой птицы. Отсюда и название «вороний глаз».

«Вороний глаз» из тех растений, которые не должны попадать в рот ни по рассеянности, ни ради пробы. Помните: ядовита ягода, ядовиты листья и особенно корневище.

РЫБА ИЗ... КАРАКУМОВ

Тысячи центнеров рыбы получают жители Ашхабада и окрестных сёл. Люди невиданной прежде в песках профессии — рыбаки — вылавливают эту рыбу

ДЕЛЬФИНЫ ОТВЕЧАЮТ ЛЮДЯМ

Интересный случай произошёл в Тихом океане. Рыболовецкий траулер «Алазия» в сравнительно тихую погоду пересекал пролив Уруп. К судну пристроились 15 дельфинов. Они плыли то справа, то слева от судна, резвились под самым форштевнем. Когда стайка обогнала судно, рыбаки вспомнили, что некоторых морских животных можно привлечь свистом. Члены команды стали свистеть, пытались таким способом подманить животных поближе.

И вот все услышали какие-то посторонние звуки. Люди прислушались и обнаружили, что громкий свист идёт из-под воды. Дельфины отвечали людям. Нестройный, но неповторимый хор подводных певцов словно разучивал незнакомую мелодию. Это продолжалось около 10 минут.

в многочисленных водохранилищах и коллекторах «Каракум-реки», в искусственных водоемах Тедженского прудового хозяйства.

...Памир продолжает расти со скоростью от 50 до 100 миллиметров в год? Учёные подсчитали, что за последние 10 000 лет «крыша мира» поднялась над землёй на 500—800 метров.

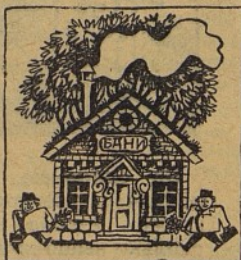
...в ГДР на мачтах высокого напряжения устанавливаются специальные корзины для... орлов? Видимо, подарок орнитологов пришёлся по душе пернатым. Установлено, что только лишь в округе Нойстрелиц половина потомства этих редких птиц выведена в гнёздах, устроенных в корзинах.

...ирландский клуб «Портланд Роверс» — единственная в мире футбольная команда, играющая... в галстуках? Таково было условие одного из болельщиков, сделавшего завещание в пользу этого клуба.

...народному художнику В. В. Исаевой, создавшей известную скульптуру Мать-Родина, установленную на Пискаревском мемориальном кладбище, позировала около года ленинградка Мария Михайловна Алферова? Она и сейчас живёт и работает в нашем городе.

...пражский коллекционер собрал уникальную тематическую коллекцию марок? Все марки, а их почти миллион штук, воспроизводят виды различных замков и дворцов во всех уголках земного шара. Если их расположить в одну линию, её длина составит 25 километров. Вес коллекции — 45 килограммов.

...в городе Разград (Болгария) есть здание, на крыше которого растёт целая роща деревьев грецкого ореха? Толщина некоторых стволов уже достигла 10—12 сантиметров. Это здание

старой турецкой бани, построенной в XVI веке. Деревья выросли на пыли, наслоившейся на крыше и превратившейся в благодатную почву.

...белорусские пуши и дубравы славятся богатым животным миром? Лесоводы Белоруссии провели подсчёт своих угодий. Оказалось, что в лесах республики живут до 20 тысяч лосей, около 15 тысяч диких кабанов, 40 тысяч косуль, по 25—30 тысяч красных лисиц, ондатр, енотовидных собак, бобров, 1300 оленей. Больше всего, конечно, зайцев и белок: их по 500—600 тысяч.

...7200 лет насчитывает дерево, растущее в Японии на острове Якусима? Это

кедр, толщина ствола которого достигает 16 метров. Считают, что это самое старое дерево на земном шаре.

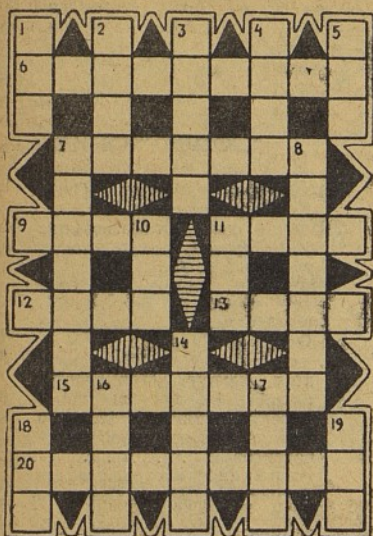
...интересный рекорд выносливости продемонстрировал в торговом центре Сида-не индийский факир Зья-не Аззор? В течение 160 минут (около 3 часов!) он лежал на кровати, где вместо матраца были... стальные иглы.

...уникальный кристалл горного хрусталя обнаружили геологи в Уральских горах? Его вес — 784 килограмма. «Малютка» находился на глубине 13 метров, и его пришлось поднимать на поверхность при помощи автокрана. Уральский самородок возник в земных глубинах 200 миллионов лет назад. За это время природа идеально отшлифовала его грани.

...семь слов, сказанных попугаем Биллом, обратили в бегство трёх воров, забравшихся в лондонскую квартиру, где живут сёстры Бикертон, уже преклонного возраста? Сёстры пытались оказать сопротивление, но безуспешно. В это время из кухни послышался мужской голос: «Что происходит, что происходит, я не задержусь». Это был голос попугая Билла, который и обратил воров в паническое бегство.

По горизонтали. 6. Спортивное состязание. 7. Часть хозяйственного года. 9. Отпечаток. 11. Отдельный снимок на киноленте. 12. Пионерское собрание. 13. Принадлежность игры в городки. 15. Драгоценный камень. 20. Задача, в

которой из данного слова перестановкой его букв получают другое слово.

По вертикали. 1. Мяч в воротах. 2. Столица союзной республики. 3. Систематические занятия физическими упражнениями. 4. Изделие из багета. 5. Вечер с музыкой и танцами. 7. Тропическая птица. 8. Весеннее движение льда по реке. 10. Подарок. 11. Древнеперсидский царь. 14. Водяной столб, поднятый вихрем большой силы. 16. Условное обозначение. 17. Множество, тьма. 18. Обширное помещение в здании. 19. Мера времени,

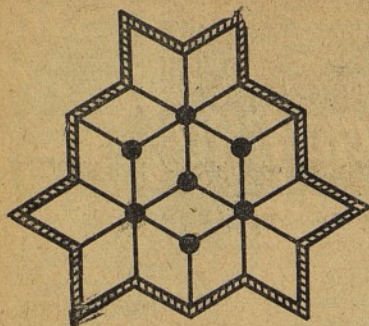
ИЗОКРИПТОГРАММА

Составил Женя НЕМЧИНОВ

Рассмотрите внимательно рисунок, подумайте...
Как прочесть эту криптограмму? В ней зашифровано всего одно слово...

Заполните клетки рисунка буквами так, чтобы по ходу часовой стрелки можно было прочесть 3 шестибуквенных слова и 4 трёхбуквенных. Все слова читаются вокруг чёрных «точек».

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 8)

КРОССВОРД

1. Сток. 2. Рота. 3. Тара. 4. Баку. 5. Шкаф. 6. Форш. 7. Коза. 8. Фаза. 9. Фура. 10. Шрот. 11. База. 12. Луза. 13. Лара. 14. Атом. 15. Арка. 16. Круп. 17. Река. 18. Мера. 19. Кожа. 20. Прок. 21. Кетч. 22. Тема. 23. Ложа. 24. Рада. 25. Дача. 26. Арфа. 27. Тула. 28. Дуга. 29. Удар. 30. Фара. 31. Суть. 32. Тень. 33. Снег. 34. Роба. 35. Рубо. 36. Кура.

ЗАДАЧА

Одно из возможных решений: поставив в центре 7, разместить по часовой стрелке в окружающих кругах числа 1, 2, 3, 6, 5, 4.

РЕБУС-ПЕРЕВЕРТЫШ

«Кит на море — романтик!..»

Содержание

Страничка далёкого. Очерк Л. Подвойского	1
В наши дни. Стихотворение Ник. Кутова. Вечер. Стихотворение В. Фетисова	4
Ищи себя, Громов. Продолжение повести С. Вольфа	5
Петя Кучменко и его друзья. Очерк В. Бианки	27
О сосне и о её пне. Рассказывает кактус. Морковкины жалобы. История глиняного черепка. Ананас. Рассказ о медали. Стихи Глеба Горбовского	28
Путешествие по стране «Сентябрь». Рассказ Н. Сладкова	30
Тишка. Рассказ Евгения Воеводина	35
Велоспед. Стихотворение Светланы Розенфельд	43
Клуб «МИ». Очерк А. Клёнова	44
Мосты Ленинграда. Очерк Б. Хотимского	50
Исторические звери. Стихотворение Н. Слепаковой . . .	58
Смех для всех	59
Самое, самое, самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарева «Осенний букет».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд Г. Сафонова «Первый звонок».

На 3-й странице обложки победитель конкурса «Побратимы» Петя Кучменко. Фото Г. Сафонова.

На 4-й странице обложки рисунок художника А. Курушина «В поход!»

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 14/VII-1969 г. Подписано к печати 15/IX 1969 г. 4 печ. л. М-34719. Заказ 965. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

История

Математика

Литература

Музыка

География

